

СМЕНА

23-24

1946

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ПРИНИМИТЕ С КНИЖИ!

«К науке ведёт не широкая военная дорога, и только тот может рассчитывать достигнуть её священной вершин, кто, не страшась трудов, карабкается по её каменистым тропам».

К. Маркс

Выступая на III съезде комсомола, Владимир Ильич Ленин так сформулировал главную задачу, стоявшую перед молодежью Советской республики: «Служба состоит в том, чтобы учиться». Этого лозунга бы развевал великий Ленин, а его историческая речь в широкой программе жизни и деятельности Союза молодежи.

Это был 1920 год. Страна только ещё начинала борьбу с послевоенной разрухой, на нашей территории ещё держались отряды интервентов. Но комсомольцы пойдя учиться, учились в школах, фабриках, заводах, учились за станком, на лесах новостройки — учились коммунизму, закладывая фундамент социалистического государства. Это стало традицией комсомольцев: работать, не забывая об учёбе, не учась, работать.

Верный указанию Ленина — учиться коммунизму — комсомол за годы существования советской власти воспитал поколение молодых людей с новой, коммунистической идеологией.

Великая Отечественная война подвергла жестокому испытанию идеювую силу советской молодежи, её примерность делу коммунизма. Молодые бойцы Красной Армии хорошо знали, что, сражаясь против фашизма, они борются за коммунизм. Идеология, которой вооружена большинство партия советскую молодежь, способная сразу и упреждающе вытеснить в бой tanks и самолёты, дала меткость глазам снайперов и артиллеристов.

Наша страна снова вступила в период широкого развития. Советские люди защитили крепость социализма и теперь продолжают её строить. Разное оружие и разные знания нужны пулемётчику, ведущему огонь по врагу, и инженеру, калечащему карнизы нового здания. Но и тому и другому как борцам за одно великое дело — нужно одно и то же оружие — коммунистическая идеология. Партия призывает советский народ и в первую очередь нашу молодежь к новой и значительной борьбе за овладение знаниями, за дальнейшее развитие нашей культуры. Задача реализации пятилетнего плана хозяйственного строительства неотделима от задачи идеологического и культурного роста страны. Постановления ЦК ВЛКСМ(б) в области литературы, кино и театра являются ярким свидетельством огромного внимания, которое партия и лично товарищ Сталин уделяют вопросам идеологии и культуры. Трудно переоценить значение, которое будет иметь эти постановления для советской молодежи. Лучшие наши культурные силы — писатели, режиссеры, художники, композиторы — направляет партия на воспитание молодого поколения в Духе коммунизма.

Ленинское указание — учиться, — давнее комсомолу в 1920 году, приобретает сейчас особый смысл и актуальность. Успехи советского народа в деле строительства социализма и то положение, которое Советский Союз занял в борьбе народов за демократический мир, обязывают нашу молодежь быть по асорации жизни коммунистической идеологии и культуры. Комсомол, как передовой отряд советской молодежи, должен стать инициатором нового подъема борьбы за овладение знаниями.

XIII пленум Центрального Комитета ВЛКСМ внёс решение о пропаганде книги и знаний среди молодежи. В решении говорится:

«Комсомольские организации должны помочь молодежи познакомиться с лучшими произведениями классической и современной литературы, с знаниями по истории, географии, военному искусству, естествознанию, технике и т. д.»

Из всей суммы знаний для советской молодежи, страншей со всем нашим народом лосе, коммунистическое общество, прогрессивное значение имеет знание марксистско-ленинской теории. Это фундамент нашего образования, нашей культуры. Книги, на заглавных листах которых стоят имена Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, выходящие в себе всё лучше, что создала прогрессивная человеческая мысль. Такие произведения классиков марксизма-ленинизма, как «Коммунистический манифест», «Что делать?», «Материализм и эмпириокритицизм», «Вопросы ленинизма» и «Краткий курс истории ВКП(б)», являются сокровищницей марксистской теории. «Коммунистический манифест» товарищ Сталин назвал «книгой нашей марксизма».

Авторы этих книг — не только великие творцы теории, но и великие вожди революционной борьбы. Марксистская теория неотделима от практики. И поэтому молодые люди, изучающие произведения классиков марксизма-ленинизма, овладевая теорией, учатся бороться за коммунизм.

Однако каждый внимательно изучающий произведения марксизма знает, что марксизм не возник «с strokes от столбовой дорожки развития мировой цивилизации». Марксистское учение развилось на почве духовной деятельности его предшественников, на почве многовековой борьбы трудящегося человечества за своё освобождение от гнета эксплуатации. Самая природа марксизма как революционного учения, охватывающего все области человеческой деятельности, требует от изучающего его глубокого и всестороннего знания. Определённые задачи коммунистического образования молодежи, В. И. Ленин так сформулировал отношение коммунистов к знаниям: «Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатившись своей памятью знанием всех тех богатств, которые выработало человечество». Следует также помнить, что материальная база коммунизма как общественно-экономической формации может быть создана только на основе невиданной ещё в истории развития науки и техники.

Сами создатели марксистско-ленинской теории являют собой пример огромной эрудиции. Их значительность, глубина и широта позиций во всех областях духознания и деятельности человечества неистинно удивительны. Неизомимо учесть это достояние, которую прочёл Карл Маркс. Достаточно сказать, что он входил отдалёк в знаниях интернационал исследователями. Не будучи специалистом в области естествознания, Маркс олеил на первых оценёл всё значение эволюционной теории Дарвина. Известно, как Владимир Ильич, даже в последние годы своей жизни, будучи невероятно загружен

государственной работой, читал и перечитывал произведения выдающейся литературы. Ежедневная «спираль» просмотра товарищем Сталиным литературы — 600 страниц.

Советская молодежь пенсатина в своей жажде знаний. Она черпает их из произведений классиков марксизма-ленинизма, художественной литературы, её интересуют книги из самых различных областей науки: физики, химии, естествознания, географии, астрономии. Тот забывает великого Ленина, кто поворачивается к научному «языку» марксизма, кто узко, по-делачески относится к расширению и углублению знаниями своей профессии.

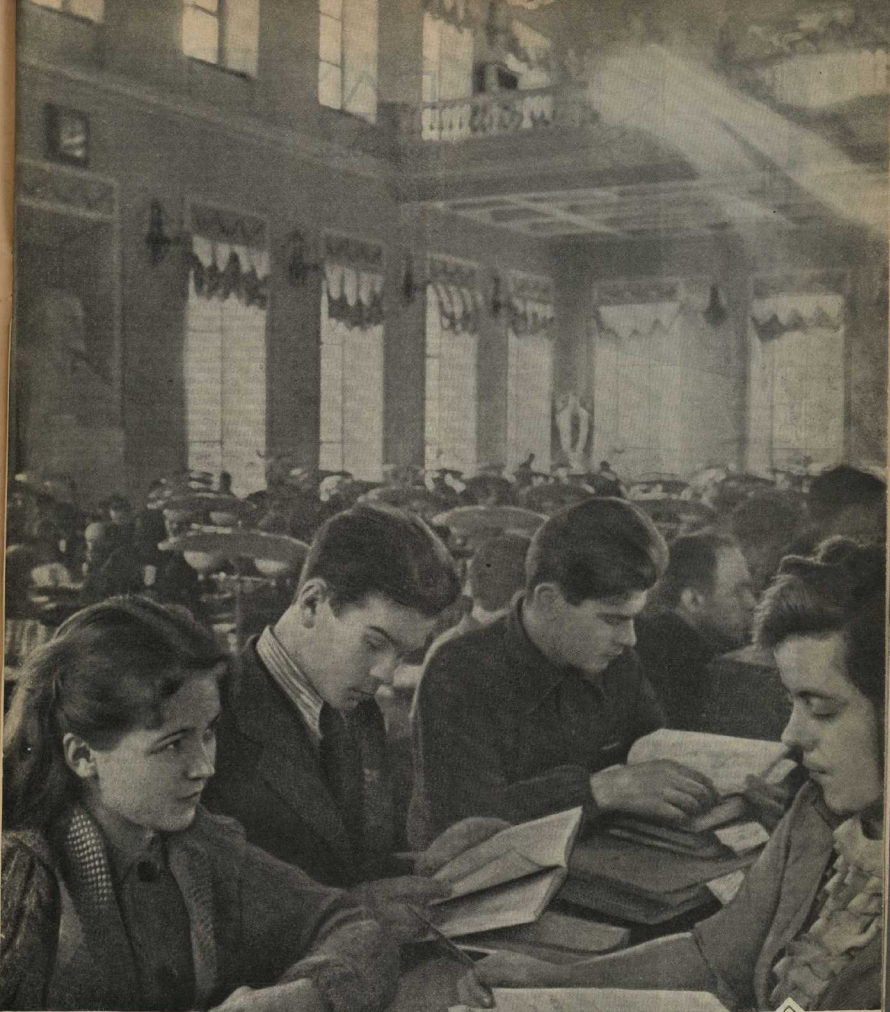
Огромную, первостепенную роль в коммунистическом образовании играют художественная литература. Передача и прогрессивная мысль вают находит своё выражение в произведениях великих писателей. Сила произведений художественной литературы такова, что даже самый неграмотный порой бывает не в состоянии объяснить нарисованную им картину, то его современники или последующие поколения делают это за него. Генеральное образование Л. Н. Толстогом жизни русского общества накануне великих революционных событий позволило Владимиру Ильичу Ленину назвать писателя зеркалом русской революции. Творчество Бальзака имело настолько большое социальное значение, что Маркс собирался написать широкое исследование о его «Человеческой комедии».

Особенно велика роль художественной литературы в наше время. Советский писатель не только отображает окружающую его жизнь — он активный её участник, плущий в первых рядах борцов за коммунизм. Произведения нашей литературы воспитывают и учат советскую молодежь. В стремлении обогатить «свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество», наши юноши и девушки должны прежде всего обратиться к книге. Книга является основным источником знаний в самых различных областях науки, искусства и техники.

Постановление ЦК ВЛКСМ от 29 апреля 1946 года требует от комсомольских организаций проведение большой практической работы по пропаганде и распространению книги. Комсомольцы должны взять на себя инициативу в привлечении широких масс молодежи к активному использованию библиотечных фондов, являющихся собранием духовных ценностей человеческой культуры. Комсомольцы должны заботиться о книге и как о материальной ценности, привязанной к передаче знаниям миллионам других людей. Работа в этой области стала постоянной и первоочередной задачей комсомола. В постановлении ЦК ВЛКСМ говорится:

«Считать работу с книгой среди молодежи и оказание помощи библиотекам одной из важнейших в повседневных задачах комсомольских организаций».

Этой благородной цели — пропаганде книги как источника знаний, являющихся духовным богатством — посвящён настоящий номер нашего журнала.

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Декабрь, № 23 — 24, 1946 год.

Год
издания
23-й

созданная наперед

КОНСТИТУЦИЯ
СОВЕТСКОЙ
ФЕДЕРАТИВНОЙ
РЕСПУБЛИКИ

будет понимать их чувство законной горды за свою Родину, уперевши веру в свои силы, мобилизовав во борьбу за новые и новые победы коммунизма, будет служить свидетелем немобедности социализма и демократии.

Сама жизнь явилась лучшей проверкой реальности сталинского предвидения, историческая правота слов вождя. Всемирно известные события истекшего десятилетия, и в первую очередь вторая мировая война, показали всему миру силу и жизнеспособность советского общественного и государственного строя, непобедимость социалистической демократии.

В наши дни, как некогда раньше, пролетария и международное значение советской Сталинской Конституции. Как мрак, она показывала миллионам честных людей в капиталистических странах путь вперед. Миллионы людей всё больше понимают, что это, что осуществление СССР, вполне может быть осуществлено и в других странах (Стала и м). Нетрудно видеть революционное, прогрессивное влияние советской Конституции на государственное устройство ряда стран послевоенной Европы, да и не только Европы. События, великие статистические предсказания о том, что новая Конституция СССР будет иметь значение программы действий для народов капиталистических стран.

Проведения буржуазного парламентаризма не перестают быть и поныне о якобы идеальном характере демократии англо-американского типа. Но теперь, когда существует Конституция СССР, социальным демагогам буржуазии приходится всё труднее. Правда, во многих конституциях буржуазных стран занесено немало формальных деклараций о социальном равенстве. Но какова цена таким свободам, если они не идут дальше деклараций, если они фактически ничем не обеспечены?

Стоит вспомнить, как в 1919 году Владимир Ильич Ленин дал отпорель буржуазным пролетариатам «эпического идеала свободы», поднимая знамя борьбы против первой советской Конституции. Российской Социалистической Федерации.

«...Ваша свобода, господа англичане, французы, американцы, есть абстракт, если она противоречит материальной основе, руде от гнёта капитализма», — писал Ленин. — Вы мелочью забываете социализацию. Забили, что ваша свобода написана в конституции, которая узаконивает частную собственность. Вот в чём суть дела».

Рядом с свободой — собственности, так и написано в нашей конституции. Что вы признаёте свободу собраний, это, конечно, громадный прогресс по сравнению феодальными порядками, средневековым, крепостным правом. Это признали все социалисты, когда использовали эту свободу буржуазного общества, чтобы выжить пролетариат, как свергнуть гнет капитализма.

Но ваша свобода такова, что это есть свобода на бумаге, а не в деле (Теле и м. ХЛIV). Это признавали инициаторы социализации, предвидения за то, что словесно болтаю о демократии заменить демократией на деле, наша свобода отражение ещё в ленинском черномом проекте программы РКП (1918 года). Здесь говорилось: «Центр тяжести переключается от формального признания свобода (как было при буржуазном парламентаризме) к фактическому осуществлению свободы и равенства со стороны трудящихся и сдержанных эксплуататоров, инпр., от признания свободы собраний к и в ряде в всех лучших шаг и помещению программы РКП (1918 года). Слова к передаче всех лучших типографий а руки рабочих и т. д.».

Мы знаем теперь, что только советская, социалистическая Конституция отбрасывает пролетариату формальное равенство. Она гарантирует и законом и всей мощью социалистического государства не только не выданные индивидуальные свободы, но и такие завоевания демократической свободы, но и такие завоевания революции, как право на труд, на образование, отдых, на материальное обеспечение в старости и т. д.

В противоположность буржуазным конституциям наша конституция свобода от всяких ограничений и огосорков в правах граждан. Она не признаёт различия в правах между мужчинами и женщинами, ессельдами и ессельдыми, иными и немущими, образованными и необразованными. «Не имущественное положение, не национальное происхождение, не пол, не служебное положение, а личные способности и личный труд каждого гражданина определяют его положение в обществе (Стала и м).

Сотни тысяч наших молодых людей — юношей и девушек, — одетых в солдатские шинели, бойцами в период войны за рубежом. Родные, своими глазами они видели политическое освобождение отечественных граждан, особенно молодежи, в капиталистических странах.

Вот для примера положение молодежи Греции страны, где господствует капитализм по английскому образцу. Здесь молодежь, как и большинству честных людей, не позволяли сказать своё слово против реставрации монархии. Молодые прогрессивные граждане, как известно, отказались и от голосования на выборах а знак протеста против подделки списков избирателей, против тирании монархистов. Это не дало места общенациональной конституции Греции, охраняемой греческими финансами и их зарубежными покровителями.

На конституции Греции 1927 года, женщина (и то только грамотная) может равно голосовать только по достижении ею 30-летнего возраста. Зато король Греции становится совершеннолетним по достижении им 18 лет! Внутром, составлено той же конституции, может быть лицо, достигшее 25 лет. Селектор может быть только лицо, достигшее 40 лет. Не ясно ли, что все эти и многие другие ограничения призваны пресечь свободу выбора, вызвать реакцию! А что уж говорить об индусской китайской молодежи, об американских неграх и о молодежи колониал, задерживаемой нуждой и бедностью.

Но если для молодежи капиталистических стран вечный спутником жизни являются забота о куске хлеба, тревога о завтрашнем дне, наша, советская молодежь не знает чувства подобного страха. Она не знает этого, как будет, что такое безработица, что такое выжить иными, что такое политическая или национальная дискриминация. Но зато она хорошо знает свои права, знает конституцию, знает золотой кодекс, именуемый Конституцией Советской Федерации. Вот почему, когда финансы решили осуществить свою бредовую идею — отнять у нас все, что занесено в этой Конституции, наша молодежь вместе со всеми взрослыми, во всея жизни, вышла на смертный бой с врагом. Не только на fronte, но и в тылу советских молодежи показала а дни войны, что для неё нет ничего дороже свободы, защиты социализма.

И если наша советская молодежь достойно выдержала экзамен, который устроила ей война, как и надеждами, его в целом наш советский строй, наша государственная власть, следовательно, то этим мы обязаны прежде всего великой партии большевиков, Ленину и Сталину, которые вскорили и испули нас, научили видеть далеко вперед и теперь, достоинство человека, учились ценить свою Родину-мать — верную в мире социалистическому делу.

Декабрьский номер журнала «Смена» рассказывает читателю о том, как она может жить и трудиться. Много на свете есть книг замечательных, глубоких, волнующих ум человека, возмущающих. Но среди других мы хотим выписать об одной необычайной книге, книге, написанной рукою великого Сталина, созданной многомиллионным народом Союза Советов. Мы говорим о советской Конституции, которую почти полтора десятилетия вназад а одно о обсуждении была принята 10 лет назад Чрезвычайным VIII съездом Советов.

Эта побросанная весь мир книга не представляла собой декларацию о будущем, о дальнейших делах СССР. Простыми и точными словами в ней было занесено лишь то, чем уже владели народы, построившие социализм. Творец Конституции Иосиф Виссарионович Сталин говорил в своей речи на съезде Советов, что Конституция нам нужна для того, чтобы закрепить общественные порядки, угодные и выгодные трудящимся. Конституция закрепляет тот всемирноисторический факт, что СССР вступила в новую эпоху развития, в эпоху завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода к коммунистическому обществу.

Нельзя терпеть лишения и лишения жизни людей, чтобы являть такую конституцию, конституцию побед социализма и великой рабоче-крестьянской демократии. О такой конституции долгие годы мечтали они, веря, что она будет, ибо они мечтали в своей ноше, верили в партю коммунистов, способную привести народ к великому человеческому счастью. «Россия будет самой яркой демократией земли», — так пророчески говорил горьковский герой на зоре первой русской революции. И это предсказание сбылось! Нине нет во всем мире более демократической страны, чем СССР.

В 1918 году в «Правде» было опубликовано известие ленинское: «Писать, американские рабочие», разъясняющее сущность первой советской конституции РСФСР.

«Впервые демократия служит здесь для масс, для трудящихся», — Вадим Ильич, — перестан быть демократией для богатых, какой она остается декларацией во всех буржуазных, даже самых демократических, республиках». «Вот Писать, — пишет далее Ленин, — так глубоко уверены все мы, что какие бы беды ни обрушились ещё на нашу Республику Советов, она и не погасит».

Эта уверенность, никогда не подпадающая советских людей. И когда в результате труда и борьбы наш народ получил новую Сталинскую Конституцию, отразившую завоеванные устои социализма, великий Сталин заявил а трибуны съезда Советов, что эта конституция духовно вооружает наш рабочий класс, наше крестьянство, нашу трудовую интеллигенцию.

ВЕЛИКИЕ ПРОЦЕССЫ

ЛЮБИМОЕ ЗАНЯТИЕ МАРКСА

— Ваше любимое занятие?
— ...Чтение в книгах.

Так ответил К. Маркс на вопрос семейной «анкеты». Книжки в комнате Маркса были решительно всюду. Они загромождали собой книжные полки, громоздились над шкафами до самого потолка, лежали на столах, креслах и даже — камине. Стороннему наблюдателю казалось, что здесь нет никакого порядка. Но среди более чем тысячи книг своей библиотеки Маркс всегда точно знал место каждой. «Они», — говорил он о книгах, — мои рабы, — и должен слушать мне, как я хочу».

«Я усвоил себе привычку», — писал девятнадцатилетний Маркс отцу, — делать извлечения из всех прочитанных мною книг... списывая их своими замечаниями. И этой привычке он следовал всю жизнь. Маркс никогда не довольствовался простым чтением и конспектированием книг. Он критически усваивал их содержание. Приводимые в книгах факты он проверял, строго анализировал. Часто для этого изучал груды статистических данных. Для углубления интересующих его вопросов Маркс обобщал уже критически изученный им материал в виде отдельных работ, очерков, которые он писал исключительно для самого себя, а не для опубликования в печати. С величайшей тщательностью работал он над своими произведениями. Двадцать четыре года ушло у Маркса на подготовку I тома «Капитала». Он напряжённо работал в течение пятнадцати лет, пока нашёл возможным издать первые две главы под названием «К критике политической экономии». Часто для этого изучал груды статистических данных. Для углубления интересующих его вопросов Маркс обобщал уже критически изученный им материал в виде отдельных работ, очерков, которые он писал исключительно для самого себя, а не для опубликования в печати. С величайшей тщательностью работал он над своими произведениями. Двадцать четыре года ушло у Маркса на подготовку I тома «Капитала». Он напряжённо работал в течение пятнадцати лет, пока нашёл возможным издать первые две главы под названием «К критике политической экономии». Часто для этого изучал груды статистических данных. Для углубления интересующих его вопросов Маркс обобщал уже критически изученный им материал в виде отдельных работ, очерков, которые он писал исключительно для самого себя, а не для опубликования в печати. С величайшей тщательностью работал он над своими произведениями. Двадцать четыре года ушло у Маркса на подготовку I тома «Капитала». Он напряжённо работал в течение пятнадцати лет, пока нашёл возможным издать первые две главы под названием «К критике политической экономии».

В общей сложности свыше 1500 книг прочитывал и прокомментировал Маркс для «Капитала». Некоторые работы он комментировал по 3—4 раза в последний раз под иным углом зрения. Выписки и заметки творца «Капитала» по экономическим вопросам доходят до 800 печатных листов.

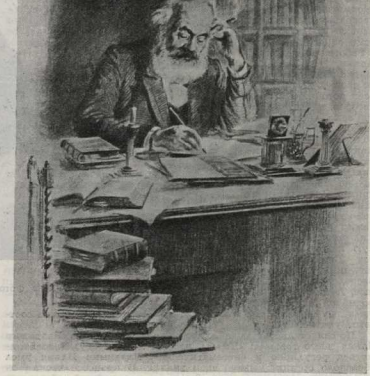
Колоеальным трудом достигал Маркс исключительной ясности и точности в формулировке своих идей. Первая глава II тома «Капитала» писал, например, в 3 вариантах. Автор сам переписывал огромную рукопись «Капитала». «Мне надо переписать 1200 страниц рукописи», — сообщал Маркс в письме к Беккеру. «Что касается моей работы, то я теперь, по 12 часов в день переписываю её начисто», — писал Маркс Кугельману.

История работы Маркса над «Капиталом» — история героического революционного труда, труда, который неудержимо стремится завершить начатое дело и преодолевает на своём пути все препятствия. Не дни и не месяцы, а целые годы работал Маркс ночами напролёт. И несмотря на это он в то же время усильно изучал материалы и документы французской буржуазной революции, занимался философией, издался свои работы.

Маркс выступал во всеоружии науки своего времени. Он следил за каждым новым изобретением в области физики, оптики, химии, каждой её новой шаг. Он, например, был одним из первых, кто понял всё значение исследований Дарвина. Опираясь на прочный фундамент человеческих знаний, на всё лучшее, что в течение столетий было выработано человеческими умами, творчески критически перерабатывая его лучшее, Маркс создавал свой учение.

Гениальным основоположником научного коммунизма был величайшим знатоком художественной литературы. Книжки любимых писателей он перечитывал очень часто. Англичского трагика Эскупа Маркс просчитывал ежегодно (по трюческому календарю). Произведения Шекспира были его настольной, любимейшей книгой. Не меньшей любовью его пользовались «Божественная комедия» Данте и стихи шотландского поэта Берна — автора песен, ставших народными и не утрачивавшие своей популярности до наших дней. Любимым поэтом — Гёте. Гёте — Маркс читал и цитировал. Длинные отрывки из «Божественной комедии» он также декламировал, до памяти.

Он любил читать романы и рассказы, богатые приключениями, наивысшим уровнем мастерства. До времени, превратив работу над своими научными трудами, а. Маркс ложился на диван и читал романы, причём иногда начинал сразу несколько книг, читая их попеременно. Особенно любил Маркс романы английского писателя XVIII века Фальска. Нравилась ему романы Г. М. Кривжновский. Книжки Валекр Скотта Маркс перечитывала постоянно, а его роман «Пуртланд» считал образцовым. Но выше всех романов он ставил «Дон-Кихот» Сервантеса и «Человеческую комедию» Бальзака, состоящую из 92 самостоятельных романов. На это многообразие произведения Бальзака Маркс собирался даже написать критику.

«Карл Маркс за работой». Рисунок Н. Жукова.

Классиков мировой литературы — Гёте, Лессинга, Шекспира, Данте и Сервантеса — Маркс считал своими учителями и области слова.

Маркс свободно читал книги на всех европейских языках. Уже в пятнадцатилетнем возрасте он приступил к изучению русского языка. Первой русской книгой, которую он начал читать для практики, была книга Герцена «Торжественная и славная (вторая часть «Вылого и Дум»). Через 6 месяцев после начала чтения Маркс уже читал в оригинале русское художественную литературу — Пушкина, Гоголя, Шеварина. Этим трёх русских классиков он особенно ценил. С восторгом отзывался Маркс о Чернышевском и Добролюбове.

Упорно продолжал работать над книгами Маркс и тогда, когда был уже неизлечимо болен. В возрасте 60 с лишним лет он стал составлять для самого себя хронологическую справку исторических событий. Он выписывал из книг десятки тысяч исторических дат, перенесая их своими метлами и глубокими замечаниями. Четыре тетради, по 130—140 страниц каждая, заполнил Маркс своими «хронологическими» выписками. Маркс не довольствовался чтением книг своей собственной обширной библиотеки. Когда в Лондоне открывался читальня Британского музея с обширным книгохранением, он стал её постоянным посетителем. Он проводил в ней целые дни и «вечера» дня своих друзей. «Учитесь», — говорил он, — учиться!»

Маркс всегда восторгался общероссийскими пованями Энгельса и называл своего друга «настоящим энциклопедией». Энгельс же говорил о себе, что «лицу у Маркса научился тому, как нужно работать».

ЛЕНИН И КНИГИ

Тщину Петербургского дома предпринимательского заключения часто нарушила своеобразный шум волжани по каменному полу коридора большие корзины с книгами. И многие из заключённых знали: книги эти везут в камеру № 193, где в одиночке сидел тогда (в 1896 году) Владимир Ульянов.

«И прекрасно отдавала себе отчёт», — вспоминал впоследствии сидевший в той же тюрьме Г. М. Крижжановский, — «что пожарила этот книг мог быть только Владимир Ильич».

В. И. Ленин с раннего возраста служилась с книгой. Уже в последние классов гимназии влезал он к изучению трудов Маркса. Чтобы читать Маркса не в переводе, ни языке оригинала, молодой Ленин изучал немецкий язык. С шестнадцати лет выработал Владимир Ильич у себя привычку делать многочисленные, часто очень подробные конспекты и выписки из различных книг, статей, газет. Выписки Ленин обычно сопровождал своими замечаниями в таком роде: «хорошо сказано», «хороший

утигнание и бесправное положение крестьян. «Надо учиться и учиться», — говорил Иосиф, — чтобы помочь крестьянам...

«В последующие годы, будучи в тифлисской семинарии, Сталин участвовал и в народных кружках и продолжал увлекаться чтением книг. Он изучал геоологию, затем взялся за химию. Он стал читать Маркса. Организовал кружок и сам руководил им. В этом кружке изучали рабочее движение. В связи с этим Сталин часто говорил, что надо начинать работу среди рабочих».

«В Тифлисе, в семинарии, Сталин был популярным и интересным и отзывчивым товарищем. Но здесь, очевидно, в нём прозрели порывы. Он был уже не таким, как раньше, прилежным и чиником. Всё свободное от занятий время отдавал чтению политической литературы — изучал марксизм, рабочее движение».

Особенно запомнился мне один примечательный факт. Это было в 1896 году. Однажды утром, после чая, я вышел из семинарии в Пушкинский сквер. Здесь я увидел Сталина, окруженного группой товарищей. Он стоял в центре, окруженный вглядываясь в Жордания. Это всех заворожило. И здесь, в саду, мы впервые услышали о Ленине.

Процеловал звонок, мы стали расходиться с Ленин на урок. Я подошёл к Иосифу, порывистый его резкой критикой владов Жордания. Иосиф сообщил мне, что читал статьи Ленина, которые ему очень понравились.

И во что бы то ни стало должен увидеть его, — сказал он мне тогда».

Не меньший интерес представляет воспоминания Г. Гаурдиадзе, который также учился вместе с товарищем Сталиным. «Мы учили уроки, занимались, — рассказывал Г. Гаурдиадзе, — но от нас не ожидалось, что за стенами школы скрывалось «что-то» другое, некое для нас тогда в своих чертах, но привлекающее, требующее разгадки».

Иосиф лучше других постиг это «что-то». Если назвать мне не имя, а место, о которой я хочу рассказать, имела место, когда Иосифу и мне было по тринадцать лет.

Во время летних каникул, возвратившись в Гори из родного села Боршуты, я навещал Иосифа, и мы вышли гулять на улицу. Прошёл лесок, перешёл на плато железной дороги и расположились на мягкой траве.

Молодые, ещё не искушённые в жизни, мы любил беседовать на отвлечённые темы. Я заговорил о боге. Иосиф слушал меня и после минутного молчания ответил:

— Знаешь, сам обманываю бога, но существует... Эти слова удивили меня. Ни от кого ещё я не слышал таких слов.

— Что ты же говоришь?! — Я сам тебе прочтёшь книгу, из которой ты увидишь, что мир и вся жизнь устроены совсем по иному, и разговоры о боге — пустая болтовня, — сказал Иосиф.

— Какая это книга? — заинтересовался я.

— Верный. Обязательно прочти, — настаивательно ответил Иосиф.

О более позднем периоде, относящемся уже к тифлисской семинарии, Г. Гаурдиадзе рассказывал:

«Иосиф увлекался чтением «популярных» книг. Вокруг него собирався товарищи».

Чтобы лучше разобраться в интересовавших нас вопросах, мы читали «Историю культуры Аншета», «Войну и мир», «Хождение в рабство», «Крейцеров сонату», «Воскресение» Льва Толстого, а также Писарева, Достоевского, Шекспира, Шиллера и др.

Иногда мы читали в церкви, во время службы, притянувшись в ряды. Мы прочитали вальс книги, конечно, с большой осторожностью, чтобы не попасть на глаза надзирателям.

Книга была неразлучным другом Иосифа. И от неё не расставался даже во время сна.

Нелегким делом было в девятых годах (да ещё в духовной семинарии) найти путь к книге, где проповедовалась бы передовая мысль. Между стремлением молодёжи к научным знаниям и поповским миркобесием лежала глубокая пропасть. «Борьбу, которую вёл молодой против духовенства», — пишет Г. Паркализе, — возглавлял молодой Сталин с первого же года своего поступления в семинарию».

«Современная наша молодёжь, — пишет далее Г. Паркализе, — соученик товарища Сталина, — вряд ли может представить себе то трудности, какие надо было преодолевать тогда, чтобы не только получать книги, но и прочитывать их. У товарища Сталина, например, был отборник как, так говорящий и в довершение «помощника инспектора, «жюкифовский» роман Витольда Гусо «Труженник моря». Такая же участь постигла другую книгу Гуго — «43-й год»».

Интересно мы доставали в общедоступной библиотеке. Библиотеку эти посланные рабочие, интеллигенция. В начале 90-х годов её возглавлял Алексей Максимович Горький. Она преследовала просветительские цели, и никто не подозревал, какое большое политическое содержание излагалось нами из самых обычных книг.

Товарищ Сталин объяснял, как надо добираться до основного содержания той или иной книги, как обходиться с журнальными статьями, рецензиями и даже заметками в «чужих» случаях, когда по какому-либо вопросу не было найдено достояния литературы. Это приучало к конспектированию, и составленную выписку. Намечала литературу, Сталин добирала для нас попутчицу, затем брал сложную и подробно объяснял, если кто-либо из товарищей не понимал прожитого.

Однажды я принёс химию Менделеева. Как ей лучше носить эту книгу. Его тогда живо заинтересовал Сталин.

Как известно теперь из архивных материалов, инспектор семинарии митрополит Гермоген доносил, что Дзугиташвили (Сталин), «сказавшись, имеет абсолютный доступ из «дешёвой библиотеки», книгами из которой он пользуется».

Товарищ Сталин увлекался исторической литературой, и мы давно увиделись — откуда он её достает. Заминимные книги по истории Великой французской революции, революции 1848 года, Парижской коммуны, истории России.

Первым том «Капитала» Маркса Сталин и его товарищи изучали в конце 90-х годов по рукописи, переписав единственный оставшийся в библиотеке печатный экземпляр первого русского издания 1872 года...»

«Работая над книгой, товарищ Сталин составлял, когда это позволяла обстановка, конспекты, выписывая наиболее важные мысли и часто порывалась конспекты эти читать друзьям, но приходило, хорошо подготовившись, и мы один наш вопрос не оставался без самого подробного разъяснения».

Из книг, которые были прочитаны в те годы Сталиным и его товарищами, помню: «Коммунистический манифест», Знамя «Положение рабочего класса в Англии», В. И. Ленин — «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», Бельтов (Пеханов) — «К вопросу о развитии моноистического взгляда на историю», книги Адам Смита и Рикардо политический экономии, Туган-Барановского — «Народный кризис в Англии», Спинозы — «Этика» в издании 1892 года, Г. Бюаля — «История цивилизации в Англии», Ш. Латурно — «Формы собственности», Н. Зибера — «Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях», книги по философии.

И в последующие годы, будучи загружен колоссальной государственной и партийной работой, товарищ Сталин всегда находил время много читать. Он постоянно следил и следил за всей вновь выходящей литературой, книгами, журналами, газетами, русскими и иностранными. Среди многих примеров об этом рассказывают в частности, и такое свидетельство: в 1938 году посетитель Иосифа Виссарионовича обратил внимание на огромную трату книг на столе, очевидно, но только что вышедших из печати.

Когда мы успевали всё это прочесть, Иосиф Виссаринович? — непольно вырвался вопрос.

Товарищ Сталин улыбнулся.

— Как бы я ни был занят, — сказал он, — а ведь обязательно страничку даётся просканировать. Это моя позиция».

— Большая порция, Иосиф Виссаринович.

— Ничего, я привык. Это в терминах и ослухах научился (А. Галсер «О методах работы классиков марксизма-ленинизма над книгой»).

Великие примеры Маркса, Ленина и Сталина показывают нашей молодёжи, как надо систематически и упорно работать над книгой.

И. В. Сталин. Из фотографий Музея В. И. Ленина.

«Вечеринка». С картины В. Маковского.

Влад. БОНЧ-БРУЕВИЧ

ЧТО МЫ ЧИТАЛИ

При царском режиме не было почти никакой возможности ни открыто выступать на собраниях, ни свободно обсуждать политические и общественные вопросы. Знакомство с новыми общественными и социальными явлениями происходило или индивидуально или в кружках, посредством углубленного чтения книг.

Среди молодежи ходила по рукам так называемые «Программы для самообразования», «Программы для вечеров чтений» или прочие рекомендательные списки хороших книг. Так как царская цензура изгоняла из библиотек и выжала из продажи лучшие книги, издавшие русскими просветителями прошлого века, то образовывались кружки, члены которых доставляли эти гонимые книги, скупая их в магазинах, букинистических палатках. Из этих книг формировали небольшие библиотеки, которые хранились у частных лиц, в более или менее просторных квартирах. Отсюда через особые библиотечные организации, через студенческие объединения, через различные просветительские кружки их распространяли среди читателей.

Одной из самых любимых книг рабочих того времени был роман Джованни «Спартак». Мы читали эту прекрасную книгу вслух в кружках и видели, как она возбуждало действие на слушателей: востание галлатторов переключилось с наших времен, и мы умиротворяли в мужественной борьбе Спартака и его единомышленников прообраз нашей будущей революции, которая, казалось нам, должна быть общенародной, беспощадной и решительной. Мы решили переиздать роман Джованни хотя бы в сокращенном изложении. Предприятие это было связано с большими трудностями. Но в 1894 году в издательстве П. К. Понзиничкова (Москва) удалось выпустить небольшую кни-

жку под заглавием «Спартак, предводитель римских гладиаторов». Это и был сокращенный пересказ книги Джованни «Спартак», вышедший в свет под моей редакцией. Через цензуру книгу удалось пропустить лишь благодаря хлопотам литератора Зинаиды Ивановой, писавшей под псевдонимом «Миронья». Брошюра, отпечатанная нами — в тогда заведывавшим изданием дешёвых книг у Понзиничкова — в 12 000 экземпляров мгновенно разошлась по России, достигая и самых отдалённых её уголков.

Другой, не менее популярной книгой было произведение В. Зейлига «Юнода. Мы знали, что «Юнода» принадлежит перу русской политической эмиграции, уехавшей за границу от преследований царской полиции, долго жившей в Италии и вышедшей замуж за итальянского революционера. Это ещё больше возбуждало интерес к книге, и мы зачитывались ею. Она пользовалась огромной популярностью среди рабочих.

Широкой известностью пользовалась и книга Шанилгана «Одич в поле не воин», герой которой Лео в дни нашей юности был нашим героем. Мы хотели быть такими как Лео, иметь такой же решительный, упорный характер, так же увлекаться наукой и так же с ранних лет стремиться к общественной и революционной деятельности. Но уже и в ту пору нам не нравились заглавие романа, предвещающее крушение героя. «Ну что ж, он был один», — говорили мы между собой, — а нас много, и если один в поле не воин, то целая армия может встать в бой. И мы готовы были беззаветно идти в бой за наше рабочее дело. Мы сознавали, что нас много, что всюду и везде поднимаются сотни и тысячи преданных общему делу революционеров.

Из художественной литературы пользовались успехом у читателей также роман болгарского классика Вазова «Под игом», в котором воспроизведена героическая борьба болгарского народа в период освобождения южной части против турецкого владычества.

Само собой разумеется, что, кроме этих книг, мы всюду рассматривали подходящий для агитационных целей и другой художественный материал: сказки Салтыкова-Щедрина (среди которых сказка «Ковыляк был наиболее любима рабочими), его сатиры «История города Гуплова» и другие.

Молодежь особенно любила Н. А. Некрасова. Его поэмой «Орнв—мать солдатская», отрывками из «Кому на Руси жить хорошо» зачитывались самые широкие круги демократической рабочей публики. Заключительные строфы излюбленного у нас молодёжью стихотворения «У парадного подвала»: «Уж как мне такую обитель...» читались и пелись хором на всех товарищеских вечеринках. «Рыцарь на час» — могучий призыв, поднимавший молодёжь на борьбу и подвиги самоотвержения. Большой любовью пользовались стихотворения Лермонтова «На смерть Пушкина» и ода «Вольность» Пушкина.

Вообще мало сказать, что всё героическое, просветительское, разоблачающее зло и ложь, всё, говорящее об унижении народа, всё идущее на пользу в наше время в широких слоях молодёжи, среди рабочих и даже среди крестьян, поскользну удавалось нам проинкрать тогда к ним, сильнейшей отгаке.

Конечно, наше чтение не ограничилось только художественной литературой. Мы читали книги, дававшие нам сведения о работах и крестьян, их жизни и быте. «Положение ра-

БИБЛИОТЕКА С. М. КИРОВА

Книга И. В. Сталина «О Ленине и ленинизме» с авторством: «Другу моему и брату любимому от автора».

ботого класса в России» Флеровского — книга, издавшая ещё в кружке забойщиков — была предметом пристального изучения. Мы изучали книгу Деметрива — «Фабрика», Дроздова — «Ростовщина и кулевство и другие, говорящее о положении рабочего класса в России. Исследование В. Энгельса «Пожожене рабского класса в Англии мы ещё не знали, но с удовольствием читали статью Шелгунова на ту же тему, не подозревая, что он переискалывал это замечательное произведение одного из основоположников марксизма.

Огромную пратрательную силу имели для нас критические статьи Добрылюбова об Островском и Тургеневе, статьи и брошюры Чернышевского. Статьи «Тёмное царство», «Когда же придёт настоящий день» и другие мы читали и перечитывали, отрывки по ним зачитывали вслух. Третьяковская группа Н. Г. Чернышевского, о котором нам было известно из рассказов общественных и революционных деятелей более старшего поколения, привлекала наше внимание к нему, горлому и непреклонному революционеру, борцу за правду. Его биография, выпущенная в свет в Женеве, в издательстве Еланидина, и доставленная в Россию в небольшом количестве, ходила по рукам в печатном и в переписанном виде. Роман Чернышевского «Что делать?» неоднократно перечитывали нами. Тим Рахметова, борца-революционера, подготавливавшего себя ко всяким случайностям в конспиративной работе, требующей стойкости, выносливости и терпения, был нам очень близок и почитаем.

Мы готовились к борьбе, искренно сознавая, что нас ожидают и терять и лишения, и забвения, и ссылки, и эмиграция, и казнь. Многие сочинения углублённо изучались нами. К таким принадлежали знаменитый перевод политической экономии Давида Стюarta, Миллса с примечаниями Чернышевского, на которые обратил внимание Карл Маркс. Книга эта была запрещена цензурой, и мы доставали её с величайшим трудом. Через неё мы получали первое знакомство с политической экономией, с материалистическим пониманием основ экономических отношений людей в процессе производственной и военной борьбы. «Капитал» Карла Маркса, изданного в семидесятых годах, закреплял наши первоначальные знания. «Капитал» Маркса было легче изучать, хорошо зная книгу Миллса с примечаниями Чернышевского.

Читая мы и книги по естественным наукам, в которых излагалась теория Дарвина. В большом ходу у нас были сочинения Писарева. Его знаменитую статью «Пёльмь мы читали с увлечением, остро сознавая скрытый в ней социальный смысл. Особое внимание обращали мы на работы по истории культуры. Мы изучали двухтомное сочинение Тейлора, програвировали и реферировали Морган, выясняли всё, что было в русской литературе, отнесшееся к вопросам семьи, собственности и государства. Наконец, дождались появления книги по этом вопросу Ф. Энгельса.

Конец XIX века ознаменовался выходом в свет ряда замечательных марксистских произведений в illegalной и легальной прессе. Почти одновременно вышли знаменитые «Книжки петляеки», в которых были опубликованы первая большая работа Владимира Ильича Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», Бельтова (Г. В. Плеханова) «К вопросу о монистической задаче на историков» и Карла Маркса «К критике политической экономии». Книга К. Маркса вышла в моём издании (в Москве), разошлась в количестве 2400 экземпляров в восемь дней и тотчас же была выпущена иной стороной изданием. Эти три книги буквально взбудоражили передовые слои общества того времени, поставили в период для общественной мысли концепцию революционного марксизма, так смело и открыто заявившего о себе. Это было первое серьёзное теоретическое марксистское наступление на идеологическом фронте у нас в России, и первое своим появлением широкую организационно теоретическую кружку марксистов. Они быстро сваялись с рабочим движением и стали осуществлять на деле теоретическую и практическую программу нашей партии, которая тогда была выпущена в свет группой «Освобождение труда» — этой первой зарганизованной русской социал-демократической организацией, с которой В. И. Ленин ещё в 1887 году вошёл в близкие и дружественные сношения.

На Петроградской стороне, в доме № 20/28, по улице Красная Зорь (ныне проспекта Кирова), выдвинулся домашний кабинет Сергея Мироновича.

Просторная комната кажется тесной от большого количества шкафов, обступивших её со всех сторон. На шкафах чучела впад и зверей, на полу огромные медвежьи шкуры — белая и бурая. На письменном столе рядом с часами образцы различных минералов. Обстановка, напоминающая кабинет учёного, путешественника, искателя.

Да, учёным, великим искателем всего нового был Сергей Миронович Киров — вдохновенный трубит и выдающийся революционер.

Сергей Миронович очень хорошо знал цену книгам и часто в своей работе обращался к ним за помощью. Его личная библиотека насчитывала более двадцати тысяч томов. Многие годы он создавал её, сам подбирая книги, расставлял их в шкафах по своей собственной системе, позволившей без затраты лишнего времени быстро найти полюбившуюся книгу. Даже краткий перечень отделов библиотеки позволяет судить о том огромном значении, которое Сергей Миронович придавал «великому производству знания» (книге).

Произведения Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, большое количество книг по истории философии, диалектики и исторической материализма, политической экономии, истории и экономики зарубежных стран, история ВКП(б), история СССР, народное хозяйство, промышленность, техника, военное дело, сельское хозяйство, комсомол.

А рядом книги по истории литературы, по искусству, классическая русская и мировая литература, советская художественная и современная иностранная литература. Два шкафа библиотеки занимают различные справочная литература. Специальный шкаф отведен литературе по экономике и коммунальному хозяйству Ленинграда и Ленинградской области.

Любопытно, что не покидала С. М. Кирова с детских лет и до дня его трагической гибели, в день злодейского убийства на его письменном столе лежала раскрытая поэма Шота Ру-

ставади «Витязь в тигровой шкуре». Это была одна из любимых книг Сергея Мироновича, многие страницы которой он часто перечитывал, каждый раз восхищаясь чеканкой афористичности строк и музыкальностью стиха. Но самой драгоценной для Кирова была небольшая, просто изданная книга «И. Сталин. О Ленине и ленинизме» с лаконичной надписью на титульном листе: «Другу моему и брату любимому от автора».

Сейчас эта книга хранится на почётном месте в одном из залов музея С. М. Кирова. Многогочленные посетители музея пожелают ознакомиться перед этим трогательным даром друзей величайшего человека современности своему ученику и ближайшему соратнику.

Домашний кабинет С. М. Кирова.

ОНИ ПОМОГАЛИ НАМ ВОЕВАТЬ

Это было в 1940 году, в один из тех октябрьских московских вечеров, когда внезапно зима или осень за окном. Недвижим мороз осел, снег превратился в густую кашу, каналы с крыши. Жёлтый свет фонарей с трудом пробивался через влажный воздух, распоясав бledными пятнами по мокрому асфальту мостовой.

Я шла на университета домой, размышляя о только что взятых в библиотеке и просмотренных мною «Записках штурмана» Марины Расковой. Дома я с трудом оставила себя отложить глубоко заинтересовавшую меня книгу и вернуться за учебники.

В «Записках» меня особенно заволновало описание того момента, когда командир воздушных кораблей Гривалдин приказал Расковой выпрыгнуть с парашютом из самолёта.

Она выпрыгнула и расцвела очутившись в безбрежной дальневосточной тайге, одетой в огромный валасом продовольствия. Потом — блуждая по болотам, быстро тающим запас продовольствия и исепоглощающей зера в то, что страна поможет, что ей случится! Она не обманулась в своих надеждах...

Я преклоняюсь перед решимостью женщины-героя и гордился чувством советского товарищества.

А сколько подобных примеров героизма дала нам Великая Отечественная война!

Прочитав книгу Расковой, я убеждалась в полной возможности для женщины летать на тяжёлом «мукомолке» делами. Я и ещё вдобавок рвением приключался за свои занятия на механико-математическом факультете Московского государственного университета, мечтаая стать инженером.

Это было косвенное влияние «Записок». А непосредственно сказало во время войны, особенно после того, как мне исполнилось двадцать лет.

В октябре 1941 года я узнала, что Марина Раскова избирает комсомолом, имеющих техническую подготовку, в формуируюю её авиационную часть... Спустя примерно неделю я была уже далеко от Москвы. К весне я окончила курсы штурманов. Мы летели в фронт. Без конца, без края расстались под нами взмывающие вдалеку степи... Вновь я вновь впадала в меня памяти слова напутствия Марины Михайловны. Стратею, убеждения говорила о том, что надеется на нас, на наши знания и мужество. Всё это как-то складывалось в моей памяти со страниц её книги.

На курсах я перечитала «Записки» уже с интересом профессионала. Их боевая патристический дух соотвествовал моему фронтному от Матвея Кургуза до Шегитина.

Книжки Марины Расковой, Волыновская зачитывались в авиационных частях. Но мы любили не только «профессиональную» литературу. В моём фронтовом чемоданчике были лишь необходимые вещи. Среди них нашлось место для героического повествования Н. Островского «Как закалялась сталь», с которым я никогда не рассталась, и двух томов «Войны и мир».

Книжки Отечественной войны 1812 года, воспроизведённые Д. Тосткиным, героизм нашего народа в прошлом, укрепляли дух в советский народ, в силу русского духа.

Воздухоплаватель действовали на меня и многие другие книги. Иные я читала впервые, а те что перепитывала, воспринимала по-новому. Всему, что оттачивало, закаляло мужество, радовалось; всё размагничивающее, художественное обрабатывало.

Отбор произведений не по цветам и этикеткам. Фронтное восприятие — наилучшее сито для фальшив. Иной казалась рассказки на патристическую тему слышась куда менее патристичным, тем, например, «Ахиллеус» Тургенев.

Глубину художественного освоения жизни некоторые наши писатели поднимают поройсам по себе. Произведения таких авторов мы не читали. У писателей же истинных учились понимать жизнь. В наших условиях это означало: учились воевать!

Помню, как-то мне удалось достать пёсью Симоню «Русские люди». «Вот это — настоящее произведение», говорили мне партнёры, которые читали её. Особой популярностью пользовались роман Б. Горбатова «Нюхорские», Мы видели в этих произведениях отражение действительных трудностей войны. Они помогли нам разговорать друзей и врагов.

Книги следовали с нами всюду. Все члены нашего боевого коллектива: лётчики, штурманов, артиллеристы, медсестры — старались постоянно пополнять книжные запасы нашей библиотеки, которая в двух больших ящиках сопровождала нас по военным косякам. Мы тайком держали в руках каждый абонемент библиотеки жертв её хотя бы одну книгу; каждый возвращавшийся из отпуски должен был привозить в библиотеку свежую литературу.

В библиотеке были все основные разделы литературы: социальнo-политическая, историческая, художественная; немного философии, немного техники.

Накопясь весьма великая фронты, мы на учебном самолёте «ПО-2» взошли бомбили врага. Малая скорость маши, способность медленного полёта, маневренность, приносила бомбоиспытания. Сделав 18 вылетов за ночь, мы днём отсыпались, отдыхали. Читая было

лучшим видом отдыха. Но нередко оно помешало и боевой зарядкой. Прочитала я, пожалуй, «Вздух» В. Васильевой. Как залуется она во мне ненависть к фашистским зверям! Как старалась я ближайшей ночью принизить им побольше врада.

Или например «Дни и ночи Самойлова», «Они сражались за родину» Шолохова. Всё это глубоко трогало, волновало и звало к действию, к миссиону врагу.

При тусклом свете в землянках, под канонаду ближнего боя, по-другому, чем в мирное время, звучала и музыка пушкинских, лермонтовских стихов. Кто-нибудь из нас вслух читал: «Мцыри» Лермонтова, «Ахров Загнута» Орлова, «Сказку о царь Салтане», «Евгения Онегина», а все сосредоточенно слушали.

Мы не забывали и о своём идейном росте. У нас были курсы по изучению марксизма-ленинизма. Члены его делили доклады, которые часто обсуждались. К ним готовились все курсовики.

Осень 1944 года мы стояли в Польше. Были ночью, иногда по несколько раз, мы вылетали бомбить аржеские переправы на реке Нарев. А отоспавшись, я по всем академическим курсам почитывала в доклады «Сталин — о марксизме-ленинизме» теория. Делая выписки, составляла поурочный конспект, я вновь и вновь перечитывала «Что такое?» и «Империализм», как вышла стала капитализма. Ленина, «Политический», «Краткий курс истории ВКП(б)» и «О Великой Отечественной войне Советского Союза» Сталина.

«Краткий курс истории ВКП(б)», как и о многих других подобных учебниках, служили мне особенно ценным пособием.

Теперь всё, что в нём говорилось, приобрело для меня особый, особый, значительный смысл. Но, за что с самого зарождения революционной борьбы в России, да и во всем мире, боролась лучше умы человечества, то, что заключено в этих книжках, было для нас, участницы Великой Отечественной войны, должно быть теперь отстоять в смертельной схватке с ненавистным врагом.

Расказы о пройденных партийных этапах её становления и развитии подсказывали нам как должны действовать мы, её молодая смена. А силу для действия каждому боруде всегда даёт только революционная теория. Это и читала в строки «Краткого курса», пусть мне подсказывали волнующие сталинские речи и приказы военного времени, и поэтому в своём докладе я доказывала важность овладения теорией марксизма-ленинизма.

Мы жили в заброшенном доме, где, кроме солдатских нар, никакой мебели не было. Докладчик находился у стола, а слушатели располагались на нарах, поджав ноги, по-восточному. После доклада возникла интересная дискуссия. Девушки оживлённо обменивались мнениями, говорили о том, какое значение имеет для нас изучение «Краткого курса», какое влияние оказывали на них приказы товарища Сталина, его речи и доклады.

Занимались, а я в кружке по изучению истории философии. Нужной литературы, особенно философской, было очень мало. Организаторы кружка, видимо, не предполагали, что изучение философии во фронтовой обстановке может увлечь многих. Читали и перепитывали «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина, «Литт-Дюринг» Энгельса.

В маленькой комнате школы станции Ассиновской под городом Грозным, где в то время стояла наша часть, состоялся доклад о философии Гегеля, Докладывала Гавва Демкина, бывшая слушательница исторического факультета Московского государственного университета. Она говорила очень интересно, с большим знанием предмета. Даже несколько кружка, случайно заглянувшая в комнату, оставались, вслушавшись в живонозную речь Комковой. Приходили все новые и новые люди. Стало тесно. Мыслью о том, что наступило тогда, когда началась высказывания. Некоторые говорили так горячо и громко, что к нам заглядывали и «встремленно спрашивали: «Что вы сказали?» — а затем в чьём деле, оставались в комнате, упрекая за то, что мы заранее не оповестили всех о предстоящем докладе. Мы разговаривали в коридоре, бойком, прощались, направлялись в строения.

Так книги помогали нам воевать.

Анисим КРОНГАУЗ

НАШ СОСЕД

Оставил бой под Старой Руссой

Вражьи пули следи,

Герой Советского Союза —

Наш сосед.

Спешит он каждый день с портфелем,

С книгой разных книг.

Хоть к аскадам и металем

Больше ой орива,

Привык к ориву и канонаде...

Но шперда зачёт.

Он аккунтарист тетради

Томиковой каадеёт.

И даже падающих лядиков

Замер зана в окне,

И ой вступает в подоннок

В поидной тишине.

Он продвигается упорно

Вперёд, вперед!

И маленькие знаки формул,

Как горола, берёт.

А утром, только свет в окошке,

Он уже одет,

В тёмные вешет на подложке

Старательный студент.

И лишь в глаза неуждержимо

Вспыхнет ладный свет.

А лишь, как сметая пуляниа,

Наший наш сосед.

В такие нам минуты мнате:

Что-то пролетит в нём,

Со странной силой распрямится,

Будто вой отпёт.

Будто вой отпёт.

Сверкнёт же мужеством другое

Сверкнёт же мужеством другое

И победит зовёт в воюе,

В шесте страни.

Генеральный секретарь Союза советских писателей Александр Александрович **Фадеев** Фото Г. Борисова

КНИГИ ЗАЖИГАЮТ ПОЛОДЬ В ДУШЕ

Когда оживаешь взором пройденный жизненный путь, вспоминаешь студенческие годы — наиболее кипучие, деятельные, полные поисков и бурных стремлений — в шапках восточного ветра, образами друзей и товарищей по борьбе и труду вереницы прочитанных книг, интересных суждений моей жизни.

Трудно было разграничить эти же жизненные впечатления от мыслей и образов, вызванных чтением литературы. Для нас, молодых людей девятисотых годов, книга была путеводной звездой, освещающей путь вперед, пробуждающей ум, вступающий в узкую рамку казенного просвещения. Книги, написанные великими современниками, звали нас на борьбу против существовавшего режима, севшию ростки нового, революционного мировоззрения, были тем более дороги нам, молодым миллионам людей, что возможность познакомиться с ними давалась в очень невыгодных условиях, преобладали материальных препятствий, снисходительных наказаний и преследований, которым подвергались молодёжь в условиях царского режима.

Ещё в ранней юности, ещё тринадцатилетним, пришлось столкнуться с теми трудностями, которые возникали перед молодым того времени на пути к знанию.

Однажды ко мне в институт подошёл инспектор и строго спросил:

— Лебедев, что у тебя под столом?

Я числительно ответил:

— Ничего.

— Мамышкин, а уже врешь, — возмущенно провозгласил инспектор и, затушевав руку под мой стол, извлек оттуда какую-то книгу, которая оказалась удобоно замешанной на немомом отделе высшей школы.

Оказалось, что это была эссе учеников старших классов, скрывающих таким образом под столом машинки, но бывших под наблюдением начальства, запрещенную литературу.

За книгу, обнаруженную у меня, я полагается была посажена в карцер — и потому, решил окончательно с ней познакомиться.

Случалось так, что книга эта определяла направление моего дальнейшего жизни и занятий.

Это была биография Добролюбова, гениального публициста, оставившего глубокий след в истории революционно-демократической мысли России, на произведении которого воспитывались многие поколения русской молодёжи. Знакомство с этой книгой, которая называлась так же, как и инспекторский состав средней школы, положило начало чтению мной произведений Добролюбова, Белинского, Чернышевского, Герцена, чьи замечательные мысли не теряют от времени своей яркости и философской глубины, а лишь раскрываются всё полнее, при каждом новом чтении обнаруживая глубочайшую глубину, глубину по коренным вопросам русской жизни — политике, литературе, искусству.

Белинский, Чернышевский, Герцена, Добролюбов справедливо принято считать предшественниками марксизма в России. Я особенно ясно ощущаю правоту этого определения на примере собственной жизни и многих моих друзей, с которыми я в то время мы проводил часы за чтением книг этих «запрещённых» авторов, в жарких спорах о судьбах России. Работа над произведениями великих русских мыслителей привнесла в меня и восприимчивость марксистского мировоззрения, открывшего новую, невиданную эру в истории человечества. В какой степени

приводило нас чтение о революциях и социализме! А сколько радости, волнения, споров — горячих, до разрыва дружбы — в шапках восточного ветра, «Коммунистического манифеста», работ Ленина, Плеханова — новый мир открывался.

Перед нашей современной молодёжью расставил все книжки богатства, ей всё доступно. Надо читать, учиться, читать, бегутами и без книг. Препятствий, препятствий, нет.

Мне пришлось держать в руках книгу, над которой работал Владимир Ильич Ленин в период создания знаменитого философского труда «Материализм и эмпириокритицизм». Это гениальное исследование «Исторический материализм», зосит на себе драгоценные следы того, как работал ум Ильича во время чтения, какие мысли сгущались его вниманием, что мысленно обрабатывал как самое ценительное. Вся книга испещрена пометками черным, синим и красным карандашом, прямыми и волнообразными подчеркиваниями. Владимир Ильич не читал, а изучал, зимовое, порочиваясь по многу раз, глубоко осмысливая текст.

Только так и нужно относиться к чтению. Не равнодушно надо и изучать, и черпать знания. Читая, нужно накапливать сведения, записывать самое важное, и записи эти непременно окажутся драгоценным капиталом для совершенствования, богатым источником для исследования, научного общения.

Чернышевского я начал читать в двенадцатилет, а теперь, под старость, пишу монографию о нём. Я могу сказать, что провёл в общении с трудами Чернышевского всю жизнь. Просматривая огромный перечень книг, прочитанных в молодости Чернышевским, анализе, в жизни актуальных, рассматриваю процесс работы мысли этого гениального человека своего времени, который был знаком со всеми новинками литературы, который, ещё учёным в сомнении, уже владел многими иностранными языками, в том числе арабским и персидским.

То же самое можно сказать и об изучении милого соотечественника Добролюбова. Так, например, работая над монографией о Добролюбова, я поставила себе задачею в ней краткою определению основных особенностей его характера как человека и критика, да и этого ещё не имеющийся в литературе материал, как книгinsky, так и газетный, и сделал около 6 тысяч выписок тех мест, где обрисовывалась личность и деятельность Добролюбова. Затем я классифицировала эти выписки, и постепенно случайно эти выписки, и выкристаллизовывалась небольшая характеристика Добролюбова, которая и заняла но более страниц в изданной монографии.

Нашей современной молодёжи любопытно знать, как относился к литературе и критике Добролюбов, оставивший так пылкий гениальный юноша. В своей монографии я привёл ряд примеров, показывающих, как читал великий критик. Добролюбов не читал, а изучал, и не на него влияние. Всё это весьма поучительно.

Когда двадцатипятилетний Добролюбов умер, нашлись некоторые скорбные слова: «Я тоже молодой человек, но лучше бы я умер, чем он... Лучшего защитника потерял в нём русский народ». Образ Добролюбова был необходимостью для молодого поколения — он нам олицетворял всё лучшее, что таилось тогда в русской молодёжи. Его мудрое слово звучало для нас как нибель, зовущий людей на

борьбу с самодержавием и полостью жизни. Образ Добролюбова сохранил все своё силу и свежест до наших дней, и наша молодёжь должна постоянно воспринимать эту творческую веру в свои силы, веру в свой народ, в осуществление своего социального идеала.

Большое значение и привил мемуральной литературе, познавательное и воспитательное значение которой трудно переоценить, влияющей на формирование мировоззрения молодёжи. Непрерывным образом образом такой мемуральной литературы, несомненно, остаются «Валды и думы» Герцена.

Мемуарная литература не может быть заменена ни художественными произведениями, ни книгами научно-исследовательского характера. Если художественная литература даёт типы, образы, а научное исследование — обобщённые философские, политические, экономические или какие-либо другие выводы, то в мемуарах ценно, если можно так выразиться, жизненный трепет описываемых событий и обилие деталей реально пережитого, которое без этих документов часто оказывается потерянными для истории. Непосредственная передача автором его наблюдений и впечатлений придаёт особую ценность мемуарной литературе, которая составляет один из наиболее интересных видов чтения. Мемуары часто дают штрихи, которые проясняют комплексное изображение над личностью деятеля прошлого.

Этим я хочу подчеркнуть великое значение книги, которая привнесла в жизнь воспитателя молодёжь, расширяет и закрепляет её идейный уровень, создаёт большие сокровища, которые нашли отражение в богатейшей сокровищнице русской классической и современной литературы. В библиотеке молодого человека должна быть книга, которая помогает присутствовать и такие документальные ярки вещи, как подлинные записки героев Отечественной войны, Героя Социалистического труда, такие книги, как «Молодые гвардии» Чапаева, да героическая вдохновляющая, художественно-обобщающая действительность сочетается с галактическим художественным мышлением автора. Ничего лучшего мы и не хотим, но заранею намеченному плану. Помню, как мне с женой, живя в трудных условиях, поставила себе целью ежедневно прочитывать не менее чем по одной книге литературы. И это минимум выполнялся нами подряд многие годы. Книги окружали меня, открыв их расстел, они уже «включались» в жизнь, работали, заставляли выносить, необходимейшие части его обстановки. Но чего не простишь лучшим друзьям!

Мне хочется, чтобы наша молодёжь относилась к книге, как к лучшему, неразлучному другу. Великолепные знаменитые слова Герцена:

«Книга, это — духомное завещание одного поколения другому, совет умирающего старца юноше, начинающему жить, призыв к деятельности, к борьбе, отвлечённый ширма на отдал, часовому, заступающему его место. Вся жизнь человека последовательно осваивая в книге: таланта, любви, государственности, а книга остаётся. Она росла вместе с человечеством, в ней кристаллизовались все учения, прогрессивная умы, и все страсти, потрясения сердца... Но книга — это одно: прощание; книга — единственный документ, по которому мы возводим во владение настоящим, во владение всей суммой истины и усилий, найденных справедливыми...»

Н. АШУКИН

Великий книжолов

«Я люблю книги: каждая из них кажется мне чудом, а иначе — магом. Я не могу говорить о книгах иначе, как с глубочайшим возмущением и энтузиазмом», — писал М. Горький в одной из своих статей.

Книга в жизни и творчестве Горького занимает огромное место. Едва ли кто из писателей посвятил ей столько славолюбивых, как Горький. Он называет книгу одним из величайших и таинственных чудес земли.

Чуждое царство книг открылось перед Горьким, когда ему было четырнадцать лет: а эту пору он научился читать сознательно. И книга стала верным его другом и спутником. В суровой, полной лишений юности Горького книга была синонимом, великолепным праздником. Книги ему «вспытали о другой жизни, более человеческой жизнью», чем та, которую он видел вокруг себя. В среде темного и космого мешательства, где протекали ранние годы великого писателя, на книгу смотрели доверительно, говорили о ней со злостью и раздражением.

Книги собирают дураки и еретики... Очень вредно книжки читать, особенно в молодые годы...

Мальчик Горький получил презрительное прозвище «книжжора». «И грустно и смешно вспомнить, — писал он, — сколько тяжких унижений, обид и трепов пришлось мне быстро похвывая страсть к чтению! Книга приходилось читать тайно, во юнцах, при тусклом свете самодельного свечечника. Но читал он с «восторженной жаждой», и тамные, безразличные булги оживали дивным светом книги.

С детства иронией вспоминает Горький о книгах, прочитанных в ранней юности: «детских» в кожаных переплетах великих XVIII века, из ступака повара Сутурого — «Омировы наставления», «Мемуары артагерианцев», «Ю клоде, несомком злорядном... С любовью он говорит о книге, которая очень увлекла его, «По-

весте о Томасе Инессе» (старший перевод «История Тома Джонас Найдёмна»), рассказывает о том же в чем не сравнимом восторге, с которым впервые прочитал поэмы Пушкина: «Я прочитал их все сразу, охваченный тем жалким чувством, которое испытываешь, попадая в невиданно красивое место... Пушкин до того удивил меня простотой и душой, что долгое время проза казалась мне неестественной и читать её было нелезко».

Горький вспоминает, что «Семейная хроника» Дюссова, «В лесках Мельникова-Печерского», «Зависки охотника» Тургеня, стихи Бенвениниана, Одесского, Тютчева «вымалли душу, оживили её от шеплу впечатлений иной и горькой действительности», а песни Беранже, по его собственному выражению, свели его с ума «странным-тесным связью элкого горя и буйного веселья». «Я поучствовал», — пишет Горький, — что такое зордана книга, и понял, её цельность для меня. От этих книг в душе споконно сложилась стойкая уверенность: я не один на земле и — «не пропаду».

Книги научили Горького «указывать людям упорных в постижении своих целей, ценить духовную стойкость». Рассказывая о «великих подвигах, о ярких радостях жизни» они, говорит Горький, «воспитали во мне чувство личной ответственности за всё зло жизни и вызвали у меня преклонение перед силой раба человеческого». «Окрылая ум и сердце, книги помогли мне подняться над гнилым болотом, где я угодил бы без них, захлебнувшись глупостью и пошлостью».

Но высоко цена книги, Горький со многими из них часто аступал в спор. С юных лет чтение его было действительным. В юности читанного он всегда пропоял независимостью мысли. «Всё, что он читал», — рассказывает И. Ерипенев, знаний Горького в юности, — воспринимал критически. Почти по прочтении какого-то тома статей Писарева, Петкова на-

бросал свой отзыв... а большинство это была неслетые для Писарева пометки. Это удивило меня сильно, так как Писарева для молодого того времени был непоколебимым авторитетом. Пролетарское чутье А. М., очевидно, улавливало диссонанс в мыслях Писарева, незаметные для нас — молодого, воспитанного на интеллигентской литературе».

«Всё надо знать, всё надо понять!» — говорил юному Горькому один из его старших друзей. И для будущего писателя это стало девизом всей его жизни.

Горький был одним из самых жадных, насыщенных читателей. «У него было», — как отменил неумарат, — «постоянная и хорошая записка к знанию».

Ещё в ранней юности «самочуж» Горький многих поражал своей начитанностью. Когда он служил сторожем на железнодорожной станции, сослуживцы были уверены, что он непременно выгнанный студент.

«Мои университеты», курс которых Горький начал проходить в казанных кружках самообразования, «продолжались у него», — пишет проф. А. К. Джавелегов, — можно сказать, до последнего дня его жизни, и не было в мировой литературе сродни подобной стоянкой внимания, его творческого интереса и о котором он не составил бы себе вполне самостоятельного мнения... Он не был ни тем читателем, которые заглядывают в оглавление и ограничиваются тем, что переделяют книгу. Если он знал, он знал крепко», — и специально по итальянской литературе, Джавелегов исследует: «Корроне итальянской литературы он знал всё и знал досконально».

П. Кериченца, поэтесса Горького в Италии, был поражен, как он «чувствовал себя знаменитым», который не казался бы всей нашей литературой и литературой иностранной... На одно явление в области литературы не ускользает от него».

Горький всегда интересовался людьми, всегда охотился за писателями, заводил дружеские отношения к книге. Сам он всегда собирал книги, хотя в юности жизнь «культурного бродяги» и не благоприятствовала этому. Уже в Самаре (в двенадцатые годы) Горький имел собственную полую-тёмную комнату, а подавая, была своя библиотека. Из рук недавнего «боска» люди с университетскими дипломами впервые знакомые с произведениями Стендаля, Мериэ, Теофиля Готье, Флобера, Бальзака, Бодлера. От Горького «шломированье» впервые услышали об Эдгаре По, Верлене, со поновшении у нас широкое десятилетие и символизма».

В Нижнем Новгороде, где Горький поселился в 1896 году, библиотека его значительно разрослась. Но, любя собирав книги, Горький никогда не был «книжником» в традиционном смысле. Он охотно давал её другим, а если находил её интересной, то даже усильно распространял среди знакомых.

В. Давидович, никогда не мог «забыть мучительные боли духовного голода, который он ощутил во всей полноте за свои детские и юношеские годы». Отсюда его глубокое уважение к издателям хороших книг, к таким людям, как Новиков, Смирдин, Солдатов, Павленко. Отсюда же и его постоянное стремление к руководству книгоиздательским делом. А. Н. Тихонов, близкий друг Горького, говорит: «Если бы можно было собрать вместе многочисленные редакции и издательства, существовавшие в то время в окрестностях Горького, то образовалась бы вторая Госиздат».

В 1904 году Горький начал основную издательскую деятельность в издательстве «Славянские» объединившие лучшие силы передовой литературы. В 1914 году он был инициатором и редактором первой сборника произведений пролетарской литературы.

В 1915—1917 годах Горький редактировал основанный им журнал «Летопись». Одновременно он было организовано издательство «Летопись» авторами чьих-то других книг издали три сборника избранных произведений армянской, латинской и финской литературы.

Издание этих сборников, целью которых было культурное сближение и унитарное национальное дело, являлось особенно значимым в атмосфере шовинизма, поддерживаемого царским правительством по отношению к «изгородцам».

В «Парусах Горького было напечатано издание 200—300-лучших книг для детей — сказки, стихи, научно-популярные книги, исторические романы. «И рисунки в детских книжках», — говорил Горький, — должны давать наилучшего качества, не карикатуры как-нибудь Тауринских, а Репин, Добужинский, Замятaylor, — лучшие художники страны. Горький великолепно знал еще только парадные коммюны детской словесности, — пишет К. Чуковский. — Но все же чераки и подальше... французская литература для детей была столь же досконально известна ему, как и чешская, и американско-английская. — Ну, да, — говорил он, — перекрестка там-то и такие книги (и убавился приметливо по адресу этих замечательных книг), а я, — пишет далее Чуковский, — к стыду моему, даже их запятой психолога не слышал, хотя и занимался детской литературой всю жизнь».

«С помощью лучших современных писателей — писатель Горький Роман Роллану, — я хотел бы создать целый ряд книг для детей, содержащих биографии великих людей всего мира». Роллан он просил написать биографию Богослова, а Уэльса — биографию Эдисона. В другой Нансен писал для него «Жизнь Христофора Колумба», а еврейский поэт Валик — «Жизнь Моисея».

В 1918 году Горький возглавил организованное им издательство «Всемирная литература», целью которого было дать в русских переводах все наиболее значительные памятники литературы всех народов и всех веков. Горький в предисловии к каталогу издательства с гордым названием его «клерам и единственным в Европе», отмечая, что честь осуществления этого предприятия принадлежит творческим силам русской революции.

Неумолимо «касаются» книги, Горькому, принадлежат инициатива ряда изданий: «История гражданской войны», «История фабрик и заводов», «Библиотека поэта», «Жизнь замечательных людей» и другие. Он принимал ближайшее участие в разработке планов Госиздата и «Academia». Иногда он настойчиво предлагал писателю разработать ту или иную тему. Занявшись с микроточечными видами произведениями классиков, Горький никогда не забывал и уделял массу времени начинающим писателям. Он внимательно прочитывал книги и рукописи начинающих, писал им письма (важное множество писем), в которых неустанно повторял:

«Учитесь настойчиво, упорно, всегда. Читайте серьезные книги».

«Читайте больше... это познакомит с грандиозной работой мировой человеческой мысли и приведет вашу душу в вояж».

«Вам необходимо знание техники, химии, техники! Изучайте стариков: Гоголя, Толстого, Лескова, Чехова, Бунина, — умеете понять, чем они связаны, в чем обилие их искусства. Изучить, понять — это значит вооружиться для творческой работы».

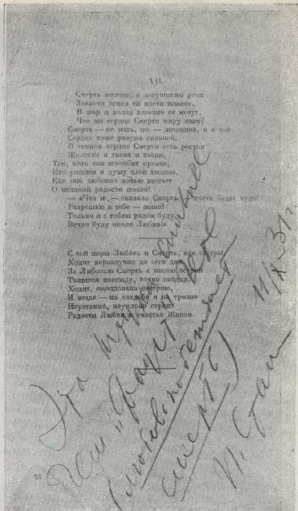
Не ограничиваясь общими указаниями на необходимость учения, он нередко намечал в письмах к начинающим конкретную программу чтения. Например, в одном из писем к Павлу Максимову Горький перечисляет книги, которые настоятельно рекомендует ему прочитать: «...Бальзак, Флобер, Мопссан, эти обязательны, как евангелие. Из старых русских писателей очень советую прочесть внимательно — Лескова, Слепцова и Помяловского. Лесков — особенно. И было бы хорошо, если бы вы прочитали двенадцать «Сказаний Пискарского клуба», сейчас же влезла за эти перчитали «Мертвые души» Гоголя». По всемирной истории Горький советовать читать Бебеля: «Читайте его том за томом, а вместе с нем — древних писателей — Геродота, Тацита, Фукидиды и новым — Момзена «История Рима», Белюха «История Греции», Ренана «История израильского народа». А по всемирной геогра-

фии возьмите Элизе Реклю... Если попадетесь вам в руки книга Афанасьева «Почвенническое воззрение славян на природу» — хахатите и читайте внимательно. Необходимо — до истории взять Тайлора «Первобытная культура», не забудьте Тайлора, возьмите Шпенглера, тоже «История культуры». А чтобы все эти фундаментальные книги не отпугнули киношу, Горький пишет ему: «Предпочитайте толстую книгу токой» — и шутливо спрашивает: «Много?» — и сам же отвечает: «Мало, судари мой! То ли еще будет! Хорошо бы взять какой-нибудь изучить вам... немецкий, французский... того лучше оба два...»

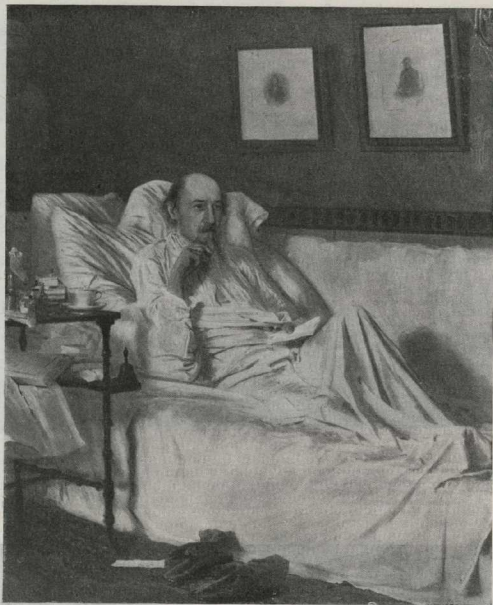
«Я сам всё ещё ученик», — писал Горький в 1928 году, — и таким образом до конца дней моих, ибо познание есть наслаждение; а в письме к Михаилу Пришвину добавлял: «Учусь и по сей день и не только у вас, законченного мастера, но даже у анкетированного молодого человека из тех, которые только что начали работать, чьи дарования ещё не в ладах с умением, но голоса звучат по-новому смело и смело». «Человеку учиться естественно и приятно».

Великий писатель признавал «молодым соратником» своих учеников, как можно больше учиться, узнавать свою страну, где, что в ней, в чем она нуждается, знать её прошлое, настоящее и в будущем, чтобы иметь представление о том, как и что нужно делать для будущего.

→
Страница сказки А. М. Горького «Девушка и смерть» с надписью, сделанной И. В. Сталиным: «Эта штука сильнее меня!» «Девушка Гита Инбовье победает смерть!».
(Из архива А. М. Горького).

«И. В. Сталин у А. М. Горького. Гравюра М. Пякова».

Вверху: И. Крамской «Н. А. Некрасов в последний год своей жизни»; внизу Н. Павлов «А. С. Пушкин в книжной лавке Смирдина».

Алексей Максимович Горький.

Великие подвиги детства и юности, замечательные учебные и детские искусства многие часы своей жизни провели за книгой. Каждый из них велик в своем содействии, гениален в своих поисках и открытиях. Но каждое кроме того отличает еще один, свойственный ему в высокой степени талант — талант общения с книгой. Этот талант — неизменный спутник великого стреланина к знаниям, всякого видковенки, всякого творчества и соизданию.

ВСЕГДА

...кий. (Фото Музея А. М. Горького).

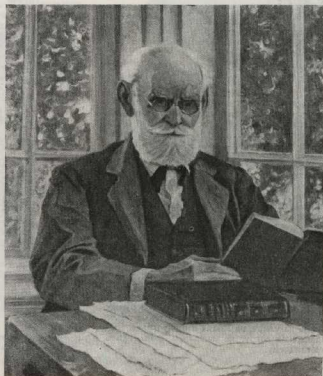
Вверху: И. Репин «Лев Толстой»; внизу: М. Нестров «Портрет академика И. Павлова».

За пробуждением страсти к чтению следовало рождение творческой мысли. И дальше и дальше чередилась сила, завлечь, опора и поддержка. Книга была школой жизни, школой мастерства... И чем полнее и богаче расширялась тема, чем лавиннее становилось его соображение, тем точнее и крепче была связь с книгой.

«Всё более расширяя передо мною пределы мира, книги говорили мне о том, как высока и прекрасна цель человека и стремления к лучшему, как много сделал он на земле

и каких невероятных страданий стоило это ему»,— писал А. М. Горький.— И в душе моей росло впечатление к человеку — к какому, кто бы он ни был, скопилось уважение к его труду, любовь к его бесокованному духу. Жить становилось легче, радостнее; жизнь казалась великим смыслом...»

Также же учёные, проникновенные строки, потрясающие чтения, мы находим и у других великих русских писателей и учёных, всегда друживших с книгой.

А С КНИГОЙ

КАК РАБОТАЛ

Маяковский

Московская киностудия научно-популярных фильмов приступила к съёмкам фильма, который расскажет нам о том, как работал Владимир Маяковский.

Творчество Маяковского — яркий пример той огромной идейно-воспитательной роли, которую играет литература в жизни нашей страны, образец общественной работы советского писателя в самом лучшем и широком смысле этого слова.

Как-то в 1918 году один из друзей в разговоре заметил Маяковскому, что, по его мнению, нужно снимать поэтов для экрана. И не в роли, а так, как они живут:

— Представьте себе, что мы имели бы кадры из жизни Пушкина

Маяковский покачал плечами:

— Что интересного? Встаём утром. Чай пьём.

Через несколько лет, как бы ещё раз отвечая на это предложение, Маяковский писал в своей автобиографии:

«Я поэт. Этим и интересен...»

Теперь, когда жизнь его отошла в историю, нам особенно ясен смысл этих слов: конечно, самое интересное в Маяковском это был поэт Маяковский. И если мы от двенадцати томов его стихов, поэм, пьес обращаемся к истории его жизни, то мы прежде всего хотим знать, как он работал, как было сделано то, что составляет сегодня гордость советской поэзии.

Лучшие национальные традиции русского писательства, русской литературы — народность и высокая идейность — нашли в творчестве Маяковского новое и глубокое утверждение. И не только утверждение, а дальнейшее развитие, обогащение и обновление.

Маяковский своим отношением представлял себе задачи, которые эпоха и народ ставит перед своими поэтами. Он правильно сформулировал главнейшую из этих задач, как требование, несомненно та жесть пути, на все предоставляя говоря его словами, «сладить родную жизнь, веселые труднейшего марша в коммунизм».

Он понимал, что поэзия, параша высоко над землёй, — книга для немоща, отойти на этот вопрос людям в их суровой борьбе за великие идеи коммунизма.

«Слезайте с небса, аэоблачный житель!

Снимайте маятник древности!

Сидельнейшим узлами

музу вяжите,

как лошадь, —

в аз повседневности».

Как же работал этот человек, которого товарищи Сталина назвала «лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи»?

Перед авторами сценария, С. И. Владимирским и мною, стояла задача — ответить на этот вопрос языком и средствами документальной киностудии.

Понятно, что речь должна идти не только и не столько о технике поэтической работы (это, конечно, должно быть отчетливо показано в фильме), сколько о раскрытии самых основных признаков поэтической деятельности Маяковского: его глубокой преданности идеям социализма, его связи с народом, его политической ответственности, патриотизма, определенных народного значение его творчества.

Индивидуальная особенность рабочих творческих навыков Маяковского заключалась в том, что он работал не за письменным столом, в тишине и уединении. Почти весь процесс черновой обработки стиха происходил не на бумаге, а на слух, на память, в уме. Работал он везде: дома и на улице, на людях и на прогулке. Шум и движение вокруг не мешали, а, может быть, помогали ему.

«...Я хожу, размахивая руками, — говорит Маяковский в статье «Как делать стихи», — и мыча еще почти без слов, то укорючая палец, чтобы не мешать мычанию, то помпачивая быстрее, в такт шагам».

Люди, знавшие Маяковского, помнят, как часто за беседой или на улице во время прогулки глаза поэта вдруг переставали замечать окружающее, руки свисали в кулаки и непринужденный ораторский жест как бы поддёркивал ритм рождавшихся строк. Рука лежала в кармане за записной книжкой или искала первый попавшийся клочок бумаги.

Рассматривая сейчас записные книжки Маяковского, мы видим эти торжественно записанные отдельно от готовых стихов. Иногда это была почти сделанный стих, иногда только рифма или даже отдельное слово, определяющее смысл и образы будущего стиха.

Вот, например, записная книжка с черновиками поэм «Владимир Ильич Ленин». На левых страницах Маяковский записывал отдельные строчки, образы, рифмы, как бы карандаш будущего стиха; на правых страницах идёт почти готовый текст. Окончательная обработка слов в этом тексте показывает, сколько труда требуется иногда на поиски одного точного, яркого и выразительного слова:

«Поэзия та же добыча драин.
В грамах добыча,
Издавши, в год труды,
тысячи тонн
словесной руды».

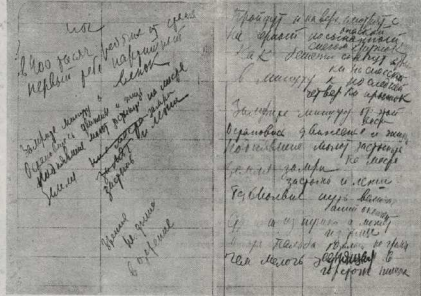

В. В. Маяковский.

Фото А. Редченко.

Он так упорно работал над формой стиха, так тщательно подбирал и взвешивал каждое слово только для того, чтобы ярче и вернее дошло содержание, как он говорил, «идейный доллар» стихотворения.

«Но как испепеляюще
слов этих жжение»

Страницы из записной книжки Владимира Маяковского с записями и набросками к поэме «Владимир Ильич Ленин». (Из материалов Музея В. В. Маяковского.)

рядом с тлеющим
словом-сырца.

Эти слова
приводят в движение
тысячи лет
миллионы сердца».

Рассказывая о работе Маяковского, трудно
«собо подучить» принципиальное значение
того факта, что Маяковский вошёл в поэзию огром-
ный круг новых современных тем, близких
миллионам советских людей.

Жизнь и интерес масс, стратегия и тактика
строительства социализма, партия и воля, кон-
центрирующая и направляющая волю наро-
да — здесь искал Маяковский новые темы, но-
вый материал для искусства.

Маяковский зачастую обращался непосред-
ственно к ленинским и сталинским текстам, на-
ходя для них поэтическое воплощение в стихах.
В поэме «Владимир Ильич Ленин» есть
десятки таких мест, где подлинное слово и
формулировка В. И. Ленина органически вошли
в архитектуру поэмы.

Есть десятки стихотворений Маяковского,
темы которых были восприняты им из выступле-
ний И. В. Сталина, стихотворений, где от-
дельные образы и политические характеристи-
ки, данные товарищем Сталиным, были поэти-
чески развёрнуты в стихах Маяковского и где,
наконец, содержатся отдельные выражения и
формулировки, вошедшие в стихи.

Этот, например, известный слова товарища
Сталина о самозрителе: «...Самозрителя нужна
нам как воздух, как вода!». И вот строки
Маяковского:

«Ничья
критика
из года в год
нужна,
запомните,
как человеку —
кислород,
как чистый воздух —
комната».

Или возьмите слова, обращённые товарищем
Сталиным к комсомольцам: «Нужно, чтобы
каждый комсомолец-активист связывал свою
повседневную работу во всех областях строи-
тельства с перспективой построения социаль-
стического общества. Нужно, чтобы он умел
вести свою повседневную работу в духе и на-
правлении осуществления этой перспективы».

И вот стихи Маяковского, в которых выра-
жена эта мысль:

«Комсомолец,
живя
в твои лета,
октябрьским
озоном
дыша,
помни,
что каждый день —
к цели
намеченой
шаг».

И дальше:
«Работа,
медочи соразмерной
с огромной
поставленной целью».

Вероятно, не было ни одной волнующей
проблемы современности, на которую Маяков-
ский не откликнулся бы стихом, не дал бы
поэтически сформулированного, глубо-
кого впечатляющего ответа.

Был ли другой поэт, который так стремился
стереть всякие границы между искусством и
жизнью, поставить искусство на службу вели-
ким задачам времени, который так страстно
желал быть волевым своим искусством народу,
не отвлечённо, «когда-нибудь в будущем», а
сейчас, сегодня, каждый день?

Помните его слова: «Я не поэт, а прежде все-
го человек, поставивший своё перо в услуже-
ние, заметьте — в услужение сегодняшнему
часу, настоящей действительности и проводя-
щий её — советскому правительству и партии».

В Маяковском удивляла и поражала не
только сила таланта, но и равная этой силе
идейная убеждённости, целеустремлённость и
воля.

И. Сталин «О работах артельного Пла-
тушки ЦК и ЦКК ВЦИК», стр. 5, Ряз. 1928.
«Об атеизме и агностицизме», «О за-
дачах комсомола», стр. 292, Ряз. 1929.

НОВЫЕ КНИГИ

Среди новых книг, уже завоевавших при-
знание и горячую любовь молодого читате-
ля, одно из первых мест по праву занимает
замечательный роман Алесандра Фадеева
«Молодая гвардия». Спрос на эту книгу огром-
ный, приобрести её в книжных магазинах
трудно, несмотря на то что она издана больш-
шим тиражом.

Издательство «Молодая гвардия» выпу-
стило роман А. Фадеева столическим тира-
жом. Таким же тиражом книга вышла в
Гослитиздате в серии «Роман-газета», заняв
три первые выпуски. Кроме того «Молодая
гвардия» недавно вышла в Детизде и в при-
ложении к журналу «Огонёк» (тираж —
50 тысяч экземпляров).

В 1947 году «Молодая гвардия» А. Фа-
деева будет выпущена издательством «Совет-
ский писатель» и Гослитиздатом.

К тридцатилетию Великой Октябрьской
социалистической революции издательство
«Советский писатель» выпускает «Библио-
теку избранных произведений советской ди-
дактики». Она содержит три названных ду-
хот книги, написанных за последние три де-
сятилетия.

Среди произведений, включённых в «Би-
блиотеку», «Палаев» Д. Фурманова, «Тихий
Дон» М. Шолохова, «Железный поток»
А. Серафимовича, «Как звалилась сталь»
Н. Островского, «Молодая гвардия» А. Фа-
деева, «Педагогическая поэма» А. Макарен-
ко, «Два капитана» В. Кавриной, «Танкер
«Дербент» и «Илженер» Ю. Крымова, «Це-
мент» В. Гладкова, «Степан Колдунов»
В. Гроссмана, «Кочубей» А. Первенцева,
«Дни и ночи» К. Симонова, «Падение Па-
рижа» И. Эрэнбурга, сборник стихов
М. Исаковского, А. Суркова, А. Твардо-
вского, М. Алигер, Н. Тихонова, С. Михал-
кова, В. Инбер, В. Лебедева-Кумача и дру-
гих поэтов. Отдельные книги составят из-
бранные произведения В. Катаева, В. Гор-
батова, Л. Соболева, В. Васильева, А. Га-
йдара, К. Паустовского, В. Лавренёва,
М. Пришвина, Л. Леонова, Л. Кассиль
и т. д.

Первые книги юбилейной серии уже от-
печатаны.

На протяжении 1946 года издав ряд книг,
удостоенных Сталинских премий. Так, в из-
дательстве «Советский писатель» вышла
роман Алёка «Навном», посвящённый жизни
великого узбекского поэта, поэма А. Твар-
довского «Василий Теркин», Гослитиздатом
выпущена повесть К. Симонова «Дни и но-
чи», В. Катаева «Сын поляка» (в серии «Ро-
ман-газета»), исторические повествования
А. Степанова «Горь-Артур» и В. Шинкова
«Емельян Пугачёв». В Детиздате вышла
пьеса-сказка С. Маршак «Двадцать ме-
сяцев». Издательство «Искусство» выпу-
стило пьесу В. Лавренёва «За тех, кто
в море».

Среди вышедших за последнее время из-
даний новых произведений советских писа-
телей — повести В. Пановой «Спутники»,
В. Овсянкин «С фронтовой привалом»,
Н. Емельяновой «В Уссурийской тайге»,
Ю. Германа «У студёного моря», роман
А. Первенцева «Отночная земля», историче-
ский роман Е. Фёдоровой «Демидов», рас-
сказы Б. Горбатова «Обыкновенная Арктика»,
С. Колдунова «Огни победы», И. Меньши-
кова «Человек ищет счастья», поэма М. Али-
гер «Два победителя». Все эти книги издаются
издательством «Советский писатель».

В двух изданиях — «Молодой гвардии» и
Гослитиздата — появился новый роман
К. Федина «Первые радости».

В «Молодой гвардии» вышла интересная
книга И. Иррошниковой «Где-то в Сибири».

Вышли две ценные книги воспоминаний
о революционной борьбе. Это книги И. Ал-
лыковой «Продельный путь», выпущенная
Гослитиздатом, и А. С. Алылуевой «Вспо-
минания», изданная «Советским писателем».

Обложки книг советских писателей, вышедших
в последнее время.

ЛЮБИМЫЕ КНИГИ

Книги были любимыми друзьями А. С. Пушкина на всем протяжении его жизни. Уже в детские годы он зачитывался в библиотеке своего отца «Ильядой» и «Одиссеей», переводом Жюльетты Арденны, написанным Пуатьром, произведениями французских классиков.

Ваши и комедии Крылова, стихотворения Державина (особенно «Волшебная лампа Кариамана», «Взвешивание»), драмы Осерова, повесть Волтера «Кандид», басни Лафонтена, трагедия Расина — вот любимые книги Пушкина-младшего.

Собрать книги систематически он начал в годы южной ссылки. Третья значительную часть своего скромного бюджета на приобретение книг, он говорил, что «походит на столярный завод, работающий на покупку необходимых ему материалов».

Когда в 1839 году поэт перебрался свою библиотеку из Михайловского в Петербург, понаблюдать дворянских палат. Колеу умственных интересов Пушкина поражает необыкновенной широтой. В составе его библиотеки мы находим книги на русском, французском, английском, немецком, итальянском, чешском, польском, латинском и многих других языках. Все великие произведения мировой литературы, главные исторические сочинения, книги по философии, эстетике, теории литературы и языковедению, географические сочинения, труды по естествознанию, медицине, агрокультуре, статистике, этнографии... Кроме четырех тысяч томов насчитывала эта библиотека.

Какие же книги относились к числу самых любимых поэтом? Важнейшим памятником древней русской словесности Пушкин считал «Слово о полку Игореве», которое он знал наизусть от начала до конца и предлагал издавать со своими комментариями.

Из русских книг XVIII века Пушкин весьма высоко ценил комедии Фонвизина «Бригадир» и «Недоросль». Автора их он называл «из прегрешских русских», «Недоросль» — «единственным памятником народной сатиры».

Среди поэтических произведений своих предшественников Пушкин очень любил «Своядлану» и «Двенадцать старых девиц» Жуковского, «Переход через Рейн» и «Гвардию» Ватковского.

О бесмертной комедии Грибоедова Пушкин писал: «Слушая его комедии, я не критиковал, а наслаждался». Великий поэт тогда же предсказал, что половина стихов комедии войдет в пословицы.

«Вечера на хуторе близ Диканьки», произведение Пушкина из сказочной волшебности и неприступности, и более поздние повести Гоголя («Нос», «Колыска») вызвала горячее одобрение поэта. «Мертвые души» произнес на Пушкина следующие прекрасные слова Гоголь, прочтя ему первые главы этой книги: «Пушкин... начал поемному становится еще сумрачнее, сумрачнее... написал автор «Мертвых душ», — писал Гоголь, — начался совершенный хаос. Когда же четливо читался, он прозвучал голосом тоски: «Боже, как грустен наша Россия!»

Настоящей книгой поэта была «Южнорусская комедия Данте». В одной главе с Данте Пушкин ставил и великого английского поэта XVII века Мильтона. К числу настоящих книг Пушкина можно отнести также и «Дон-Кихота».

Трагедии и драмы Шекспира Пушкин не только постоянно перечитывал, но систематически изучал. Он «попытал Шекспира генерально», — замечает один из современников поэта — «составив себе Шекспира Пушкин говорил: «У меня кружится голова после чтения Шекспира, я как будто смотрю в бездну».

Отлично знал и любил Пушкин произведения Вальтера Скотта и Байрона, Гёте и Стендаля, Мериме и Мюссе...

Одним из любимых писателей А. Н. Толстого были акт и до конца жизни была Жан Жак Руссо. Толстой зачитывался его произведениями ещё в пятнадцатилетнем возрасте. В то время он читал даже иногда на груди мелкого портрета великого просветителя... «Исповедь», «Эммануил о воспитании», «Новая Элоиза» были любимыми книгами Толстого.

Из драматических сочинений мировой литературы наиболее замечательными Лев Николаевич находил драмы Шиллера; особенно нравился ему «Разбойники» и «Дон-Карамо».

Он постоянно перечитывал романы и повести Диккенса: «Давид Копперфильд», «Оливер Твист», «Холодный дом», «Лавка древности», «Крошка Доррит». Толстой относился к английскому романтизму к разряду «генетив, рождающийся раз в столетие».

В новейшей французской литературе он выделял романы Стендаля «Красное и чёрное», «Парижская обитель». «Это — два великие произведения искусства», — говорил Толстой.

Русского классика, давнего непревзойдённую картину трагического Бородинаского сражения, привлекло в «Парижской обители» описание битвы при Ватерлоо. Большие достоинства находил Толстой и в романах другого крупного французского писателя, Флобера: «У француз», — говорил Толстой, — три писателя: Стендаль, Вальзак, Флобер, уж ещё — Мопассан, но Чехов — лучше его».

Особенно великим учителем Лев Толстой считал Пушкина. О повестях Волкина он говорил: «Их надо изучать и изучать каждому писателю. Я... не могу вам передать того богатейшего материала, которое имело на меня это чтение».

Наиболее совершенными произведениями Гоголя Толстой считал «Ревизора», «Мертвые души», «Шинель» и «Колыска», которую он называл «гипнотической, шестеро».

Один из обитателей Ясной Поляны вспоминает о провосномом чтении асху Толстого: «Тамара Лермонтова».

Из романов Достоевского ему особенно нравились «Униженные и оскорблённые» и «Преступления и наказания». Сильнейшее впечатление произвело на него и «Записки из Мёртвого дома», «Я не знаю лучше книги из всей нашей литературы», — писал он, — хорошая, издательская книга».

С исключительной нежностью относился А. Н. Толстой к Чехову, любя его и как писателя и как человека. Однажды, обнимаясь с Чеховым, А. Толстой, обнимая Чехова, сказал ему: «Вы русский! Да, очень, очень русский!».

«Он один из тех редких писателей», — говорил Лев Николаевич о Чехове, — «которые, как Диккенс и Шекспир, создали много, много раю перечитывать, — я это знаю по собственному опыту».

Ещё учась в таганрогской гимназии, Чехов был одним из самых усердных посетителей городской библиотеки. Сюда он улавлял описанными путешествий, потом привнес в классики — Тургеневе, Гончарова, Сервантесе, Шекспира. Тогда же познакомился с сочинениями Булгакова, Дюма, Писарева. Юношу Чехова тянуло и к импрессионистической прессе. Он постоянно просматривал в городской читальне журналы «Будильник» и

«Стрекозу». В них в «скором времени начал он свою литературную деятельность».

«Привыкая читать, со временем ты оту приходишь к тому, что писателю принадлежат этого класса Антон Чехов самому младшему брату Михаилу. — Прочти ты следующие книги: «Дон-Кихот... Хорошая вещь. Сочинение Сервантесе, которого отравили чуждым и не читал, «Дон-Кихот и Гамлет» Тургенев... Если жаловаться прочтешь некую книгу, которую прочтешь «Фрегат «Паллада» Гончарова».

Собрать собственную библиотеку Чехов начал в студенческие годы.

К концу 80-х годов в ней насчитывалось уже около тысячи томов. Главные места в библиотеке занимали сочинения русских классиков, которых Чехов часто перечитывал.

«Как непосорещенен, как слыш Гоголь и какой он художник! — писал Чехов в 1889 году. — Одна его «Колыска» стоит весте тысяч рублей. Сплошной восторг и большое чтение. Это величайший русский писатель».

О «Тамани» Лермонтова Чехов говорил: «Я не могу понять, как мог Лермонтов, будучи почти мальчиком, сделать это!».

Перечитав в 1893 году собрание сочинений Тургеневе, Чехов пишет: «Что за роскошь «Отцы и дети». Просто хоть карау кричи. Бомзев. Быварова слышна так слышно, что и ослаба и было такое чувство, как будто я зарылся от него. А коно Вазарова! А старички! А Куккина? Это чорт знает как слышно. Просто генерал».

Чехов сам удивлялся тому глубокому интересу, который каждый раз возбуждал в нём хорошо знакомые ему романы Льва Толстого «Анна Каренина» и «Война и мир», «Самое интересное чтение в ночь промелькала и читаю «Войну и мир». Читайшь с таким абсолютством, и с таким наивным удивлением, как будто раньше не читал».

Огромное впечатление осталось у Чехова от романа «Воскресение». Сцена у генерала, команданта Петропавловской крепости, была прочтена Чеховым, как он выражается, с замеченном сердцем. Из рассказов Толстого Чехову особенно нравились «Кавказ», «Холостомер» и «Полмакшица».

Выдающимися значениями литературы Чехов называл «Самочту мушкетера» и «Соколница» В. Короленко, рассказы Гаршина и Ортега.

Из пьесы своих любимых современников Чехов выделял Бундина, Куприна, Вересова и особенно Максима Горького.

«Рассказ Куприна «В цирке», — писал Чехов, — это свободная, живая, талантливая вещь». Он отмечал также рассказы Вересова «Алтарь» и рассказы Бундина «Сосны» и «Чернобыль».

В первых же произведениях Горького Чехов сразу различал «главное несоответствие» Чехов называл «Мир в станице». Посмудяющая обширная переписка с Горьким свидетельствует об исключительном интересе Чехова к будущему великому пролетариату.

О рассказе «Из степи» Чехов пишет Горькому: «Вы художник, умный человек, Вы чувственный провосидом. Вы ластичны, т. е. когда изображаете вещь, то видите её и описываете руками. Это высшее искусство».

Лучшими произведениями Горького Чехов считал рассказы «Из степи», «На излучине», «Из степи», «Из степи». Впечатляет шесть и одна. В «Фоме Горького» он находил места чудесные и писал в 1900 году, что «из Горького выйдут будущий писатель».

Писатель Михаил Александрович Шолохов

Фото Г. Вайля

ИЗ ИСТОРИИ НАШЕЙ КНИГИ

Член-корреспондент Академии наук СССР А. СИДОРОВ

О книге хорошо писал великий русский писатель-демократ Герцен: «В книге не одно прошедшее; она составляет документ, по которому мы входим во владение настоящим, во владение всей суммой вестей и усилий, владения страданиями... она — программа будущего».

Мы изучаем старую книгу не только как редкость. Мы видим в ней произведение труда мастера набора и печати, создание определённого сложного производственного процесса, менявшегося в разное время. Исследовать старые книги бесконечно интересно. Их шрифты, их бумага, их убранство полны смысла и значения для изучающего глаза. История техника рассказывает о прошлом красочнее многих других отраслей техники. А в книге не только техника. В ней мысли и чувства. В них отражены и организация производства, и работа писателя, и заботы редактора-издателя.

Есть книги, которых мы больше не читаем. Но и они не перестают быть для нас интересными. Интерес это становится другими, не читательским. Какое-нибудь старинное Евангелие оказывается поводом к изучению рукою большого художника. В старые времена книги церковного назначения часто оформлялись совсем независимо от содержания. На их страницах рядом с божественным текстом помещались изображения зверей, птиц или цветов, а также людей за повседневной работой. Художник как бы «развешивался» в книге, совсем не предвзвешивая для художественной забавы. И мы сейчас ценим эти книги за их убранство, за искусство художника. Но эти старинные книги помогают нам дать ответ на вопрос о том, откуда пошла книга, откуда и когда пришла она в нашу страну.

Ответ на это только отчасти даёт весьма немногие и веточные документы. Их недостаточно, но зато сами старые книги при научном анализе открывают все секреты того, как, кем и когда они были сделаны. Изучая их, мы как бы вновь присутствуем при сложных и высоко интересных событиях культурной жизни прошлого. «Будем уважать книгу!» — говорил в своё время Герцен в речи при открытии публичной библиотеки для чтения в Вятке. Будем же только уважать и любить, но и изучать книгу как создание человеческих рук, как продукт духовной и материальной культуры.

История книги — наука молодая, но высоко интересная, как часть общей истории культуры. К сожалению, она до сих пор «богата» разными неточностями и даже ошибками. В этой небольшой статье нам хотелось бы совсем бегло обозреть основные этапы развития книги в нашей стране, обратить внимание на те её черты, которые могли бы быть признаками национальными.

Первою национальною особенностью, характерною для нашей культуры в России в прошлом, начиная с самых древних времён, была любовь к книге и к чтению, о которой нам сообщает очень много данных наша старая летопись, предания про Мудрого Пророка Иова Кивского, про царя Ивана Грозного. На древнем русском языке «почитать» означало и «оказывать почёт» и просто «читать». И грамотные люди и переплётчики книг в эпоху рукописной книжной культуры были у нас окружены особым уважением. Любовь к книге выражалась и в её уборе. Начиная с XI века наши рукописные книги украшались «заставками» — украшениями в начале текста, причём самое слово «заставка» происходит от глагола «заставить» — «украсить». Миншторы в книге, порою очень сложные, яркочеткие и узорные,

обычно изображали легендарных авторов старинных книг, но также и диковинных зверей и растения, виденные древними путешественниками, хотя бы в Индии; часто изображалась в рукописных книгах и исторические события из жизни нашей Родины.

Руку эти не особенно высокого качества, как изображения реальности; многого ещё не

умели изображать мастера старого русского искусства; по порою в деталях убора, в рисунках букв нитогородских рукописей XIV века явно выражены правдивость и реальная жизненность — заторя драгоценности для нас национальная черта русского книжного мастерства. Таких букв, как те, которые делались нитогородцами в указанное время, мы не найдём нигде. Чего стоит, например, одна буква «М», которая составлена из фигур двух рыбок (аще «палочка» буква), держащих между собою сеть с пойманной рыбкою (косою угол между «палочками») и переторжничавших между собою! Над одной фигурой — «палочкой» — написаны слова: «Потани, короний сын», а другая фигурка — «правая «палочка» букми» — отвечает: «Сам ты таков».

Третьей чертой, характерной для древней русской книги, являются неумолимое искание нового, стремление всё найти самим, всё проверить, всего достигнуть по-своему. Так надо воспринимать появление и первое шаг у нас кинопечатания, новой техники, передового великого изобретения, бывшего на Западе известным с XV века, у нас — с середины XVI. Противное мнение довольно многих писателей недавнего времени мы сейчас должны считать твердо установленным, что введение кинопечатания в Москве было делом самих русских людей, которые по-своему, на основе собственных опытов, создали раньше русские печатные книги, заимствовав у Запады только самые основы набора и печати с подвижными литерами.

В убранстве первые русские печатные книги исходят от рукописных, стоявших в то время на особенно большой высоте. Можно считать доказанным, что из рукописей, преимущественно изготовляемых тогда в Сергиевой лавре, пох. Московско, восрос наш чудесный «старопечатный» орнамент. Сама наша техника печатания книг красивой и феерной красками выволокла из ни какую книгу. На Западе в два цвета печатали с двух печатных форм набора — сначала чёрные слова, затем — все красные доборы. У нас же раскрашивали одну печатную форму однокрасно в две краски и печатали сразу.

Лист из Евангелия, напечатанного в Москве Марушей Нефедьевой.

Книжный завет, изданный Иваном Фёдоровым в 1580 году в Острого. Слова — печатный знак И. Фёдорова.

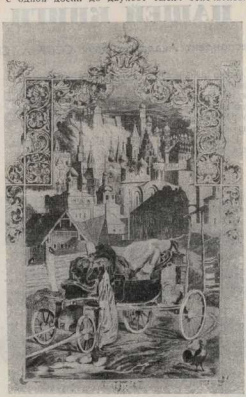
Здесь нет, к сожалению, возможности всё это излагать и объяснять подробно. Но вот что надо знать: великий русский печатник «ниг» пред тем невиданных, Иван Федоров, имя которого известно всем, не был и в рядах русских кинотографистов! У него был предшественник. Первая книга Ивана Федорова вышла в 1564 году. В Историческом музее в Москве найдена другая книга, не имеющая печатных указаний о том, когда она выпущена в свет, но на ней есть надпись, говорящая о том, что её пожелательны в один из северных русских монастырей в 1559 году, то есть, что она была готова, отпечатана, за пять лет до первой книги Ивана Федорова.

Таких книг, напечатанных до Ивана Федорова, известно теперь четыре, и ещё две отпечатаны одновременно или несколько позже Ивана Федорова, но не им. Это вновь очень сложный вопрос, богатый возможностями научных споров. Но вне споров одно имя, сохранившееся в двух письмах Ивана Грозного от 1566 года: это имя Маруши и Нифедьева, которого Грозный называет «мастером печатных книг». В 1556 году у нас должна была быть экспериментальная хотя бы типография, раз был у царя доверенный мастер киноточечника! Указанные четыре книги и сейчас, должно быть, его печати. Они изданы хуже, чем в 60-х годах печатал книги Иван Федоров.

Имя последнего мы будем всегда высоко ценить. Он был прекрасным мастером книги, художником, развил шрифт и украшения. Он реформировал все процессы печати, в частности ввёл двухпрокатную красную и чёрную печать, трактует её, однако, по-своему, а вовсе не так, как на Западе. Роль Ивана Федорова во всей нашей культуре огромна. Доказано, что он знал ряд западных книг с гравюрами, откуда брал образцы для своих, — только не сено копировал, а творчески перерабатывая, передавая примеры классического до реалистического искусства Запада на русский лад, борясь с Западом, критикуя его, исправляя его, достигая лучших результатов. Всё это очень важно. Ивана Федорова нам надо понимать как новатора, знающего лучше новики мирового искусства его времени, для того чтобы иметь пергамент его. Деятельность Ивана Федорова была высоко плодотворна не только для Москвы: уехав из Москвы, он продолжает своё печатание в Белорусии и затем становится пионером печати на Украине.

Но сколько ещё замечательных черт можно отметить историей русской книги! Основное

техническое украшение «ниг» была в XVI—XVII веках у нас, как в значительной мере и на Западе, гравюра на дереве. Реализ её ножами на грушевых досках. Но и на Западе и у нас теперь типографии не делят более 40—50 тысяч стипендий с деревянных досок. У нас же в Москве в XVII веке добивались получения с одной доски до двухсот тысяч отпечатков.

Гравюра художника А. Агина к книге В. Соллогуба «Гарант».

Русская культура в области печатной техники была в прошлом часто необыкновенно. Мировых рекордов выносливости деревянных гравюр, достигнутых в старой русской книге, до нас не сохранил никто.

Есть и ещё одна драгоценная для нас на-

циональная особенность русской книжной культуры, старой и новой: её идейность и её демократичность. Если задать себе вопрос о лучших достижениях нашей киноточечной практике в XVIII веке, то надо отметить, что и при Петре Первом, преобразователе, и при известном издателе-просветителе второй половины столетия, И. И. Новикове, книга книги уже ставила себе задачу принципиально лавировать. Она служила знанию. Она распространяла научные сведения. Её убожество отражало это в содержании самих украшений, при Петре был введён новый шрифт, которым мы пользуемся и теперь.

Русская книга постоянно реформируется, отличается на все достижения мировой техники, но всегда имеет оставаться сама собою. Её драгоценное качество, тесно связанное с её реалистичностью и идейностью, — это её простота. Нет ничего более простого и чёткого, нежели внешность знаменитого «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. В первой половине XIX века методическое обоснование этой простоты и чёткости дадо не только вновь, как А. С. Пушкин. Он наставлял в том чтобы его книги издавались абсолютно просто, без всяких завитков и лишнего. Это очень характерно для Пушкина. В своих известных высказываниях о русском слоге Пушкин устанавливал для него требование то чистости и открытости (впоследствии говорил «раз и пошел»). Эти четыре требования полностью надо уметь применять и к книгам.

В XIX веке, в великом столетии, когда после Пушкина борлись, писали, творили Белинский, Гершен, Чернышевский, Добролюбов, когда развился в одном десятилетии Ленин в Сталина, русская книга была выразительницей освободительного движения на всех его этапах. Сделай эти её пути — особая тема. Здесь хотелось бы подчеркнуть только следующее. Великий русский критик Белинский в ряде статей и рецензий останавливается на вопросах оформления книги. Он умеет ценить в заслугу издателя, удачливых книги, и качества оформления, снабжающих книгу иллюстрациями, оформляющих книгу.

В 40-х годах XIX века два мастера, оба молодые, выдвинулись в русской книге своими рисунками, превращаясь на дереве. Это были В. Тами, родом из Вятки, и А. Агин. О Тамме Белинский говорил, что он лучший у нас рисовальщик, но что в его таланте нет ничего русского. Про Агина Белинский писал с осо-

ПОЭТЫ О КНИГЕ

Обширность наших стран измерьте,
Прочтите книги святых дед.

М. В. Ломоносов.

Над полом просторно
Под тонкой тафтой
Со мной они живут,
Прозны красочнейши,
Повести шуточные.

В порядке томных рядов...
О вы, в моей пустыне,
Любимые творцы!
Займите же отныне
Безмятежные часы.

А. С. Пушкин.

Мно кажется: живу я в мире новом,
Когда один, в безмолвии суровом,
Забыв весь шум заболотного дня,
Невиданный, сажу я близ огня
И летосиё минувшего дня.

И. С. Никитин.

Моя рока
Широкими рядами
Из покое, меж стенами
И вверх до потолка,
Приют уединённый
Соорудила вам,
О русские камены,
Свещенные векам...

Н. М. Языков.

В наши великие, трудные дни
Книги не шуток: укажут они
Всё недостоинное, дикое, злое...

Н. А. Некрасов.

...Муза, правду соблюдая,
Глаголит — а на весах у ней
Вот эта книжечка небольшая
Томов премногих тяжелей.

А. А. Фет.

А книги... Чистые источники усады,
В которых отражён родной и близкий
— Учитель, друг, желанный врач,
— двойник — яды!

В. Я. Брюсов.

Когда опускается штора
И ласковый алмазный свет
Умкнет усталые взоры —
Мне слышится счастье привнес...
Со мной любимые книги,
Многочисленные любимый размер...

В. Я. Брюсов.

Явнились
в Це Ка Ка

и светлых ламп
светлых лет,

Над бандой
поэтических
рачей и выжиет
Я подуму,
как большевистский парлелят.
все его томов
моих
партийных книжечек.

В. В. Маяковский.

...Разве мы не с радостью слышим
За духом времени, — за много лет
— пред нами
Как размытая мурачка, и как,
в сравнении с ним,
Чуждое далеко поднимались мы сами?

Гете.

Телом и гласом письмо облекает
безглавые мысли.
Их чрез столетний покое несёт
говорящий листок.

Ф. Шюллер.

Без книги — в мире ночь,
Без книги — мрак кругом.

В. Гюго.

О книги, вам я шлю привет,
Привет души, нелицемерный!
В вас — жизни радость, жизни свет,
Перо же — мой товарищ верный.

Арабский поэт XI века
Ахмет-Ибн-Риза из Моги.

беной галдотой, подчёркивая знание им России, называя его за это знание великим мастером. Великий был, конечно, прав. Новую, очень сложную задачу русского книжного искусства этого времени ставило его направление на изучение действительности, честный, правдивый и принципиальный анализ новых явлений, бесстрашный, порою сатирический показ отрицательных черт реакционной поры. Русской книге, как и всей русской культуре, было трудно. Цензура была свирепой. Много книг гнило. Остаивались многие предприятия издательского прогрессивного типа. Примером может служить попытка великого поэта Н. А. Некрасова издавать книжки для народа. Но передовое наше искусство, литература, живопись, книжная иллюстрация боролись доступными им средствами за познание мира и за интересы трудящихся. Агитацию сохранили со сцены, но у него появились пресмычки. Из них хочется назвать имя П. М. Шмелёва; мало кто знает, что в 1861 году вышла в свет книга доктора Голынского «Очерки из фабричной жизни» с много реалистическими и очень живыми иллюстрациями работы Шмелёва. Это — переро, может быть, правдивое изображение пролетариата в нашем искусстве.

В конце века в русскую книгу вводит фотомеханика — новая техника, позволяющая с быстротой и точностью обогащать книгу иллюстрациями, чертежами и всеми видами нужными приложениями и украшениями. Строго проста по издательской внешности равняя наша революционная книга; на другом полюсе роскошная и часто слякочная богатая книга, издававшаяся в небольшом числе экземпляров для верхов господствовавшего класса. В начале XX века, в преддверии Октября, русская книжная культура отражала всю противоречивость, всю радость и беспорядочность литературы, искусства, буржуазной идеологии тех дней.

Советской книге двадцать девять лет. В наступающем году её тридцатилетний юбилей будет заметной частью великого праздника тридцатилетия советской власти. За эти тридцать лет наша книга прошла огромный путь. Всё это время она была сопряжена с борьбой и в то же время с творчеством. Вниманием наших вождей В. И. Ленина и И. В. Сталина. В Музее Ленина хранится записка Владимира Ильича, направленная в Госиздат с суровым требованием за лучшее качество издания важной политической брошюры. В 1932 году развёрнутой критике был подвергнут формализм в изданиях детских книг. Очень важное оперативное требование об улучшении качества оформления книг выдвинул ЦК ВКП(б) в июле 1945 года. Партия и правительство неустанно следят за качеством книг как в области их содержания, так и в области их художественного и полиграфического выполнения.

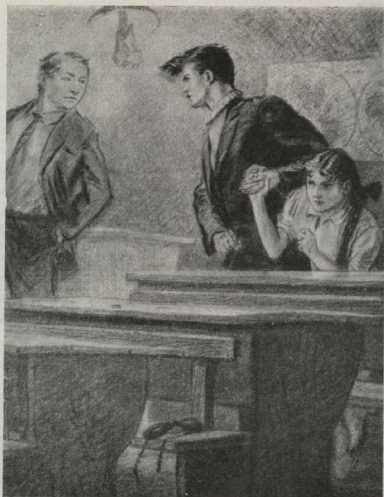
Советская книга за тридцать лет своего пути знала много важных достижений. Она держит ряд мировых рекордов — по массовости изданий; по подлинной народности она не имеет равных на земле. Ведущим в советском издательском деле является Государственное политическое издательство, и важно заметить, что как раз издания классиков нашей политической мысли, сочинений наших великих учителей и вождей — Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина — являются лучшими из всех советских книг.

В области книгоиздательской техники перед нами стоит задача — в кратчайший срок догнать и перегнать передовые страны капитализма. У нас для этого есть все данные. У нас немало чудесных мастеров книги, у нас есть чёткое понимание наших целей. Мы боремся за культуру книги как за часть огромного и радостного культурного расцвета великой Советской страны. Наша книга должна и будет издаваться лучше, чем в любой стране мира.

Ученики Московского ремесленного училища № 3 полиграфической промышленности у лаятника Ивану Фёдорову.

Фото Г. Борисова.

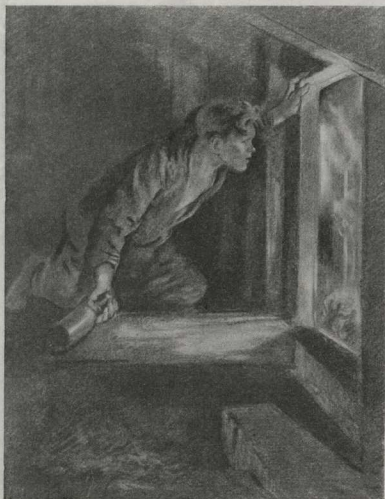

КНИЖНЫЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ

Творчество художника-графика неразрывно связано с внутренним содержанием иллюстрируемой им книги. Лучшие советские иллюстраторы стремятся глубоко раскрыть замысел литературного произведения, жизненно и ярко воссоздать в своих рисунках тот мир, в котором живут и действуют герои, созданные творческой фантазией писателя. Так, в содружестве писателя с художником рождается образ героя, который для читателя становится реальным воплощением его собственного представления о персонажах прочитанной книги.

На наших снимках: иллюстрации к новым книгам советских писателей—рисунки художника В. Щеглова к «Молодой гвардии» А. Фадеева (слева, внизу), художника И. Гринштейна к «Сызу полка» В. Катаева (справа, верху) и художника В. Ладгина к «Даум клитанам» В. Каверина (слева, верху, и справа, внизу).

История

Такое же переделано ступени лестницы на четвертый этаж, прибор ко мне как-то — тогда совсем юному — маленький, сухой, с синими бровями, старческий. За спиной у него была тяжёлая пачка книг.

— Вот, молодой мой друг, — сказал он, справившись наконец с одышкой, — принцип, по которому будут всегда все полезны. Хочу, чтобы они остались у вас.

Это был старый московский книжник Константин Зарочный Никитин, бескорыстный друг и советник в книжных моих начинаниях, учивший меня читать историю книги по её шрифту, формату или даже переплёту. А четыре тома, которые он принёс за спиной, были «Толковым словарём» Дала. Он чувствовал, что ему некогда уже осталось жить, и хотел, чтобы некоторые его книги остались у тех, кому они больше всего могли пригодиться. Так, мучимый эмфиземой в легких и одышкой, раздал он мне свои экземпляры по людям, поблизившим его душе старого книжника.

На протяжении многих лет книжником моего собирательства вспоминал я Константина Зарочного. Именно таким рацетелем любознательности в книгу, и особенно многие собиратели — своими неоценимыми находками. Эти книжники были из той породы одарённых русских людей, которые обычно самоуверенны, вводя в восторг на доманый грот земли в какой-нибудь приходской школе или у знатного дельца владом, до того высокого познания книги органическим талантом, заложённым в них, любознательностью и исключительной трудоспособностью.

Большинство из них прошло тяжёлую школу мальчишками на побегушках, учениками за кусок хлеба и уток, а только стараниями любителей к книге, вычитанное с книг лет, ели призывное слово и вера в будущее, которой так богаты произведения лучших русских писателей прошлого, помогли им на трудном их пути. Истинными ценителями считали они не тех, кому досталось позволить заплатить любую цену за книгу, а тех, кто не имея стывающей себе, урывал от самого необходимого, не жала времени, чтобы найти нужную книжку, не боясь респекта, чтобы добраться до сокровища...

Были среди этих собирателей и подлинными, несчастными исследователями. Иван Гураловский Прижок, автор замечательных книг «История в святой Руси» и «История кабакон в России», который гонимый, почти при полной нищете, скоплавшая свою удивительную библиотеку; и суровый историк М. П. Погодин, неутомимый собиратель русских рукописей; и известные литераторы Д. П. Ефремов и А. Н. Пышин. Не раз вспоминали они с благодарностью книжников, помогавших им собрать замечательные библиотеки.

Любить книгу — это значит не только увлечься по ней, но только собирать её, не только ставить её на книжную полку. Любить книгу — это значит изучать её судьбу — а удивительные и замечательные были судьбы у книг! По старой латинской поговорке: «Наверно sans fata libelli», то есть «Именно свою судьбу книги». Пушкин выразил это несколько иначе, поэтическим словом:

«Быть может в Лете не поглотит Стирофа, салагамая мной...»

Но может быть (и это даже Промодобное сто раз)

Мой нехотанный рассказ
В передней кончик вез

Ну, что ж? в гостиной всё...
И в первой, не в последней!»

(Не в первой, не в последней). Нет почти ни одной редкой книги, судьба которой так или иначе была бы связана с большим, многотомным трудом писателя. Промодобная и иногда и оставшихся неизвестными русских книжников. Именно их стараниями был обнаружен не так давно экземпляр бердского шести глав «Евгения Онегина» с собственноручными пометками Пушкина — ныне один из сокровищ отделе рукописей библиотеки имени Ленина. Я помню, с каким рвением, много лет краду, старый московский книжник П. П. Шибанов искал редчайшую книгу «И. Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», изданную без обозначения года и места печатания. Испытанный собиратель постоянно делал мечту найти эту книжку, чтобы передать её в государственное учреждение.

В 1790 году А. Н. Радищев отпечатал в заведённой им типографии всего в нескольких экземплярах, как пробный оттиск, «Письмо к другу, жителю селу в Топо-

польске, по долгу зависти своего». Книга до сих пор открыта в библиотеке Петра I. Она почти так же редка, как и прозаическая сочинённая книга Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву».

Почти сто лет спустя после выхода историк литературы и собиратель книг П. А. Ефремов опубликовал «Письмо по приваляющему ему экземпляру в журнале «Русская старина». После смерти Ефремова замечательная его библиотека разошлась по рукам, но — традиция русских букинистов было вести учёту всем книгам Радищева: ревниво следя за судьбой этого экземпляра, янинградский книжник не дал затеряться ему и сберегил его до наших дней.

Любовь к книге, привязанность к ней отмоют жизнь каждого великого человека. Кара Маркс на вопрос своих дочерей: «Какое ваше любимое занятие?» — ответил: «Чтение книг». В письмах к А. И. Еленскому из ссылки в Сибирь в 1847 году В. И. Ленин со страстным нетерпением писал: «Посылать мне больше никаких каталогов от букинистов и т. п. (библиотек, книжных магазинов). Почти вся жизнь Пушкина связана с книгами. В письмах к юга или из Михайловского он неустанно молот посылать ему книги: «Прими все Цветов (т. е. альманах «Северные цветы») да «Звезда» (поэма Баратынского)», «Жду Полярную звезду» с нетерпением», «Малый мой, если только возможно, отпиши, купи, выпроси, укряди Залески Фрунзе и дай мне их сюда!» — пишет он то брату, то К. Ф. Рылькову. Неутомимыми посетителями прозаической книжной лавки Смирдина в Петербурге были и Пушкин, и Гоголь, и Крылов, и Жуковский, и Вяземский...

В нашей Советской стране, где у книги столько друзей и читате-

лей, любовь к книге определённая и требовательная. Хорошая книга должна помогать жить, а хорошая книга — это спутник и советник, особенно для молодого поколения. Познать книгу — это значит не только читать её, но и уметь её беречь, знать её судьбу и историю. Опытные книжники могут, даже не прочитав названия книги, определить по её формату, шрифту, количеству вырванных страниц, годам издавания, а редкость книги — ещё не заглянув в справочник — по замечательному, вырванному с годами чучлыку... И поэтому так старались они всегда, чтобы книга досталась тому, кому она более всего нужна и кто сумеет её лучше сберечь.

В маленьком деревне Челганино, недалеко от города Кашина, есть примечательный сарайчик, наполненный книгами. Всею свою жизнь, оттачивая себе часто в необходимом, собиратель превозмогая свою библиотеку по русскому фольклору исследователя, русского народный песни, крестьянство — писатель В. И. Симаков. Редчайшие песенники XVIII века Чухлова, или «Веселье на досуге», более поздние «Новейший траурный песенник» или «Купидон», обширное собрание лубочной литературы — от «Смолды Лизы», «Шуток Баландина» до «Полонез русских артистов» — составляют собрание неутомимого книжника, составившего множества сборников деревенских чучлыков... И по сей день в одном букинистическом магазине Москвы можно встретить шестидесятилетнего собирателя эпохи, для которого каждый приезд из деревни в Москву означает прежде всего свидание с книгой. Постоянно поучительна эта множественность влюблённости к книге, её неустанное изучение, каждодневное общение с ней.

Есть немало книжных собраний, в которых с течением времени можно распознать руку недавно умершего ленинградского книжника В. М. Лебедева или доброго по времени Отечественного войной москвича С. А. Ромашова. Каждую редкую или отличительную книгу сбражали они своими впечатлениями, и все пришедшие к ним — свидетели не только знания книги, но и громадного изыскательского труда. «Экземпляр из особой бумаге», — отмечет в своём журнале и в воспоминаниях Лермонтова ленинградский книжник, — «в продажу не поступали, печатались для друзей Ефремова». Портрет Лермонтова иной, чем в обычном издании; или: «Авторский экземпляр с пометками автора на полях», — отмечет в своём журнале и в воспоминаниях Лермонтова ленинградский книжник, — «из оттоков, не предназначенных для публики» — на «Благодарный Думе дельце» Лермонтова.

И так неутомимо, сфера, а иногда бессонные ночи за справоч-

КНИГИ ЛЕНИНА И СТАЛИНА

За двадцать девять лет существования советского государства произведения В. И. Ленина и И. В. Сталина изданы общим тиражом в 629 459 тысяч экземпляров. Почти все национальности, населяющие Советский Союз, получили возможность читать книги великого вождя трудящихся на своём родном языке: книги Ленина и Сталина вышли более чем на 28 различных языках.

За восемь лет, прошедших с момента выхода в свет первого издания «История Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков)» краткий курс разошёлся тиражом в 3177 тысяч экземпляров. Этот труд, написанный гениальным продолжателем дела Ленина — И. В. Сталиным, издан на 80 языках народов СССР и переведён на все важнейшие языки мира. За пределами нашей страны книга вышла почти миллионным тиражом.

Огромной популярностью пользуется книга товарища Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза». Она издана на 59 языках народов СССР общим тиражом в 17 680 тысяч экземпляров.

никами, делая библиографические находки и открытия, работали по слуху книги эти люди.

Когда-то, в 1933 или 1934 году, а руки московского книжника Шибанова попал экземпляр «Пуштенштейна из Петербурга в Москву» Радинцева. Это было событие, не только поворное его, но и на долгое время заволашеющее его жизнь. Странную за страшной дилетом драгоценную книгу, готовясь сдаться в паспорт для дальнейшего странствия, страстно озабоченный её судьбой. С величайшим тщанием составил из этой пасторы, опубликованный в одном из каталогов «Международной книги»: «Экземпляр совершенно полный, сохранён удовлетворительно, только лишь у двух листовка оборваны правые нижние уголки... Самая редкая и самая популярная русская книга, в которой впервые резко и открыто выражены протест против существующего порядка власти помещиков над крестьянами. Уцелело лишь несколько экземпляров, известных мне наперёд; их, по последним изысканиям, во всех библиотеках СССР насчитывается 16 и один единственный вне страны, в Америке. Ваш читатель в библиотеке Конгресса. Появление и обращение каждого нового экземпляра «Пуштенштейна» Радинцева составляет событие».

Не так давно был устроен просмотры преемственного шибановского собрания по библиографии, целиком поступившего в библиотеку имени Ленина. На протяжении свыше чем полувековой деятельности собрал Шибанов всё, имевшее отношение к русскому издательскому делу: каталоги библиотек, объявления, письма, доклады на журналы, счета типографии, начиная от издательской деятельности замечательного русского издателя XVIII века Шибанова до издательской деятельности Пучина, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Достоевского... Десятилетия за десятилетия пополнял старый книжник своё бесценное собрание, которое помнит добрым словом не один исследователь в будущем. Так, сам не подозревая той роли, которую придётся сыграть им впоследствии, книжники эти становились поборниками науки. И кто же, как не они, эти книжники, открыли и оберегли бесценный памятник русской словесности «Слово о полку Игореве», вручив в своё время в руки исследователя Мусина-Пушкина единственную сохранившуюся рукопись?

Много раз, обращаясь к «Голубому словарю» Даля, который незадолго до своей смерти приписал к себе Константин Зоринский Никитин, и в благодарности вспоминаю о людях, увидевших меня любить книгу и помогавших собирать её. Имена этих людей не остаются в книгах, ибо не они вносили их; но они помогали им, обещая, они трудолюбиво отыскивали их десятилетиями или даже в столетия, выходя из забвения и зачастую создавали их посмертную славу. По справедливости книжники эти могут быть причислены к соратникам не одного исследователя, к помощникам в деле сбережения культуры, но по слуху древней Русь: «Им без книг, они итца спеша. Свет дилейной есть слово книжное».

А. МОРОЗОВ

Тайны Давидовых «Снегов»

В США по всем вопросам остается достоянием интригаторов, работая по стандарт. Получая любую вещь, покупая уже заранее знает, что можно от неё сделать. Но в отношении литературы так стандарты не смогли установить даже американцы. Изначально в США немногочисленные читатели, хотя и хорошие книги, ещё меньше — очень хорошие, а потом, почти без перехода, — провали в бездну неурной культуры, которой нет предела.

Независимо в США произошла по-настоящему интригаторский обмен мнениями между несколькими учебными по поводу той печатной лжи всякого рода, которая ежедневно и ежечасно обрушивается на голову американских читателей. Один из присутствующих высказал остроумное соображение, что практичный американец при безопасности уже перестал верить никому целиком — и правде и лжи. Это отчасти верно, но выиграл читатель благодаря такому подходу к читательскому, очевидно, немного. В США читатель совершенно не защищён от покушения не только на его карман и время, но и на душевное и физическое зло, которое в нашей стране, к сожалению, не имеет себе равных.

Однако в отсутствие определённой системы всю эту литературу удержать нельзя, общая направленность — и достаточно резко выразившаяся — в ней есть, вся она как-то своей строится вокруг интереса буржуазии. Это вполне понятно, потому что худшими желтыми прессами являются крупнейшие издания капиталистического мира, включая пропагандные «оптимистические» митроупущения и твёрдую веру, что каждый американец найдёт своё место в мире, если хотя бы немного постарается или докопается выхватить прелесть из крыльев «литературной счастливости», якобы являющейся достоянием в США и капитализма и безликую.

США вышли из войны разбогатев. Но уже появились грозные признаки грядущего экономического кризиса. Уже накопилось падение курса промышленных акций, упали биржевые цены на сырьё. Несмотря на послевойенный бум, в США 2,5 миллиона безработных, 1,5 миллиона демобилизованных солдат живут на государственное пособие, получаемое при демобилизации.

Безопасность уже прокармывает, в широкой мере читательская литература указывает своим читателям «мало»: надо кого-то другого, постеснясь, как следует схватить за горло, институт их жертвы, а самому поддаться в лапы.

Вам не всё в жизни? У вас большой заработок, ничего нет на «белый день»? Всё это очень легко изменить, только нужно читать книгу «Путь к богатству», «Чужие деньги», «Секрет успеха», «Тайны личного влияния».

— На людей, не уверенных в зар-

тратим дне, с болью считающих напрасно уходящие годы, рассчитано и многообещающие названия книг, и пронаписанные дружеские обращения к читателям, и книжные рекламы, в которых с безостановочным рвением предлагаются счастье и удача... всего за два-три доллара.

Вот типичная для США реклама книги.

На краю моря стоит молодой человек и счастлив глазами смотрит на узкие корабль, присматривая другим богатство, радость. А его корабль никогда не вернётся из дальнего плавания! Почему драгоценного груза, потому что у этого неудачника и корабля-то своего нет.

Как добиться символического «корабля успеха», как вырваться из разлаз неудачника или просто ничего не выходящих людей, — этому вопросу в США посвящены бесчисленные количества книг, статей.

Их изобилие поражает, однако она отнюдь не является результатом занятости самого автора, а системой «работы». Как действительно можно получить деньги, заработать миллион? И автор руководит «Миллион долларов» щедро выказывает читателям прописанные асины, структурированные под символическими заголовками: «Цент доллар бережёт», «Деньги, не пущенные в оборот, мертвы» и т. д.

Человек, приобретающий мрачные «Тайны гипноза», теряет как

Learn to HYPNOTIZE

«Учитесь гипнотизировать» — призывает эта обложка американской книги.

Будто всего пять долларов, ибо, конечно, эта книга написана английским автором, который сам не смог бы заигнорировать даже курицу. Но вред таких книг нельзя измерять только в деньгах. Пусть они никого не научат коварному

способу оплодотворить своей воле окружающих», зато они, безусловно, научат другому: смотреть на людей как на возможные объекты бессостынейшей эксплоатации при помощи самых низких средств.

У имени была жестокая поговорка: «Человек человеку — волк». Этой теме в американской массовой литературе посвящено много. Рассматривая американские журналы, можно подумать, что мир полон только злыми преступлениями и дышит только поготовкой и новой войной.

Особенно почтёное место отведено атомной бомбе. «Атом», как её дословно называют в США. Она господствует на страницах всех американских журналов, а какие-то предвзятые люди даже работают «атомный» человек, а кем-то искать урны».

«Ищите урны!» — предлагает американская статья в одном из самых распространённых американских журналов «Популар» (декабрь 1946 года № 2). В статье подробно описывается новейшее оборудование, указывается его стоимость: всё оно вместе со съёмным телевизором, омыльвателем, стоит только от 200 до 500 долларов. «А работать вы можете целое состояние».

Уран поступает на читателя со всех сторон, и влугу огромных затрат: «Атомная бомба может быть легко победена при помощи простого устройства, уменьшающего её взрыв на безопасное расстояние. Это устройство разработано в научно-исследовательской лаборатории Кросби».

Под заголовком для убедительности дано фото, на котором лисий мужикане возится с сооружением атомного аппарата.

— Есть от чего пойти горлою горло разового читателя!

А тут он ещё встречает статью об атомной энергии, потешную белизмой «описание» с красивыми иллюстрациями, в которой редактор жалует читателя на Гросса. Некоторые читатели, пожалуй, помнут адресат эту «работу» с псевдонимом, а фактически — это типичная прокуманная и оформленная статья и сопровождается ещё заметка — только рекламирует журналы, той же атомной «защиты» специализации, разгромил генерал Гросс — «кхива» атомной бомбы в США. «Не арестовывайте науки, генерал!» — истерически кричит злобосудный заголовок, в котором редактор жалует читателя на Гросса. Некоторые читатели, пожалуй, помнут адресат эту «работу» с псевдонимом, а фактически — это типичная прокуманная и оформленная статья и сопровождается ещё заметка — только рекламирует журналы, той же атомной «защиты» специализации, разгромил генерал Лесли Ричард Гросса.

Этот новый «ход» характерен для американской прессы: надо что-то придумать, чтобы заставить

читателя поверить в беспристрастность и правдивость «чужа», подсымаемого «место настоящей книги» журналиста.

Пожалуй, только к одной отрасли литературы доверие разведки Америки не поколебалось — к детективной. Он охотно верит, что все описанное в ней ужасы действительности. В этом его убеждают и собственное знание жизни и стиль подачи материала: достоверные фото, протоколы допросов, рассказы самих жертв и преступников делают сообщения о преступлениях, совершённых в Африке, Азии, Аргентине, такими же осязаемо-реальными, как происшествия в трущобах Нью-Йорка или Чикаго. «Охота» за «интересными» преступлениями ведётся для детективной литературы США по всему свету. А когда поиски в пространстве не помогают, авторы отправляются в путешествия во времени и выискивают из архивов злодеяний давно забытое злодейство.

Более ста лет назад Эдгар По создал первую настоящую детективную повесть «Убийство на улице Морг». Семена унаши на благодарную почву, но сам Эдгар По, наверно, ужаснулся бы тому урожаю, который они принесли.

Нет другой страны в мире, где так господствовали бы детективная литература. В США издаётся множество журналов и книг, посвящённых исключительно преступлениям и преступникам. Достаточно вспомнить, как американцы своего гангстера Аль-Капоне с потрясающей быстротой превратили в мировую знаменитость.

Американская детективная литература вновь не относится к «классическому рукописанию». Она в руках не тех людей, которые, захватившись, пишут о разных ужасах, а сами падают в обморок при виде переизвещенного. Её делают специалисты, описывающие технику преступлений как безукоризненно, что будущие преступники черпают из детективной литературы все необходимые им сведения. К этому надо прибавить, что читатель всегда не интересуется на осуждение преступника автором, но разоблачение его отрицательной сущности.

Американская детективная литература — это мистический термостат, в искусственной атмосфере которого растёт и процветает ядовитая культура бактерий преступности. Но, конечно, вред подобной «литературы» далеко не исчерпывается тем, что часть читателей она прямо толкает на путь преступлений и служит для них исключительным руководством.

Не говоря уже о том, что детективная литература питается умами читателей от острых социальных вопросов современности, она публикуется на интеллектуальное восприятие в нём самые извращённые чувства.

В США время не раз поднимали голые протеста против фирмы, выпускающей недобросовестные патентованные средства, «выключающие» все болезни, вырабатываемые только даже из писем сеном столе, и т. д. «Ид. вместо лекарств...» озаглавивались эти статьи. Яд вместо вины для ума! Подобному читатель детективной литературы, особенно по призрачному успехом и счастья и личного мировоззрения на тему мировых проблем.

В книжном магазине.

Фото Г. Борисова.

НОВЫЕ КНИГИ

В 1946 году Детгиз приступил к изданию массовой серии «Юнонские детской литературы». В первых книгах этой серии нашли в свет: «Сын полка» В. Катаева, «Дорогие мои мальчишки» Л. Кассля, «Кладовая солнца» М. Пришвина, «От Путья до Карпата» С. Ковалева и «Дальнее плавание» Р. Фраермана. * * *

В «Библиотеке путешествий», выпускаемой издательством «Молодая гвардия», в 1947 году появится 10 книг. В их числе «Жизнь и приключения Розалды Амундсена» А. Якобсена, «Марс Полюс» В. Шкловского (переводное издание), воспоминания академика А. Фермана «Мои путешествия», книга Р. Фраермана и П. Зайкина «Жизнь и необыкновенные приключения капитан-лейтенанта Голованова», воспоминания старшего русского моряка капитана дальнего плавания Д. Лушманова «По всему миру под парусами», книга М. Ильина «От Каспийского до Чёрного моря», посвящённая юной сталинской пионерке в Закавказье. * * *

«Молодая гвардия» переведает книгу И. Ильфа и Е. Петрова «Одноклассники Америки». Книга будет иллюстрирована фотографиями, сделанными И. Ильфом во время его путешествия по Америке. * * *

Наше издательство подготавливает к выпуску несколько томографий произведений юного братского национализма республик. Антология узбекской поэзии, объёмом в 40 печатных листов, выпускаемая Гослитиздатом, включает произведения узбекских клас-

сиков: Камшара, Ясая, Лофия, Бабура, Алишера Навои, поэтов-демократов XVII—XIX веков: Турки, Мужики, Фругат — и стихи советских поэтов: Хамид, Хаким-заде, Х. Алмиджана, Аббека, Гафур Гулама, Шейх-заде и других. Переводы с узбекского Н. Асеева, Н. Тихонова, П. Антокольского, С. Линкина, М. Алигер, В. Звягининой.

Антология украинской советской поэзии выйдет к тридцатилетию Великой Октябрьской социалистической революции. Антология издается под редакцией И. Рыльского, П. Тачини, Л. Переможского, А. Малышко и М. Гершенко. Объём её — 30—40 печатных листов.

В издательстве «Советский писатель» вышли из печати антология «Поэты Азербайджана», в которую вошли произведения лучших поэтов республики, написан-

ные в период Великой Отечественной войны.

* * * Издательство «Искусство» выпускает две книги воспоминаний о жизни и работе русских художников конца XIX и начала XX века: мемуары Л. Алтаева «Памятные встречи» и книгу Н. Я. Симанович «Жизнь В. Серова и его окружение».

* * * Государственное географическое издательство выпускает книги о знаменитых русских путешественниках и открывателях земель. В их числе книги: Ю. Лисинского «Путешествие вокруг света на корабле «Нева», Л. Каманья «Первые исследования Дальнего Востока», Д. Андреева и С. Митюева «Замечательные исследования горами Средней Азии», О. Вязна «Первые исследователи Центральной Азии».

ТИРАЖИ НАШЕЙ ИЗДАТЕЛЬСКОЙ

Из года в год растёт выпуск книг в нашей стране. В 1937 году — в СССР были изданы книги, общим тиражом в 6,5 миллиарда экземпляров. Это больше в три раза превышало тиражи книг, выпущенных в мировой печати за последние тридцать лет до революции.

Если в 1913 году тираж издаваемой составлял 86,7 миллиона экземпляров, то в 1937 году он был равен 637,5 миллиона экземпляров.

За следующие десять лет (с 1937 по 1946 год) тираж изданных в СССР книг достиг 4 455 796 000 экземпляров, в том числе почти 600 миллионов экземпляров такой художественной литературы.

Больше всего книг издали по-прежнему — промышленники

ГРФСР—3,7 миллиарда экземпляров. На Украине вышло за десятилетие (в круглых цифрах) 332 миллиона экземпляров книг, в Узбекской ССР — 86 миллионов, в Белорусской ССР — 50 миллионов, в Казахской ССР — 54 миллиона, в Азербайджанской ССР — 52 миллиона, в Грузинской ССР — 44 миллиона, в Киргизской ССР — 17 миллионов экземпляров и т. д.

* * * Внесоветская книжная палата за десятилетие издала своего государственного 720 тысяч наименований книг, вышедших в Советском Союзе на 111 языках, до 350 тысяч номеров периодических изданий (помимо жатки). Учёбу подвигались также более десяти миллионов экземпляров газет.

РАЗНОСКИЕ БИБЛИОТЕКИ

Государственная Публичная библиотека СССР имени В. И. Ленина является сейчас не только самым крупным в стране, но и одним из крупнейших в мире библиотечных учреждений.

В 1913 году фонды библиотеки насчитывали 1090 тысяч экземпляров; в настоящее время они превратились в крупнейшую библиотеку в 8600 тысяч томов. Штат сотрудников библиотеки за это время увеличился с 80 до 1500 человек.

Немалому вкладу в число посетителей библиотеки. Если в 1913 году библиотеку посетили 122 тыс. человек, которым было выдано 493 тыс. книг, то за 1946 год посетителей библиотеки составило 1248 тыс.; им было выдано более 5025 тыс. книг.

В 1941 году в Советском Союзе было 146 800 библиотек. Это в восемь с лишким раз больше, чем было в 1913 году в имперской России.

Война нанесла огромный ущерб нашей библиотекам. Немногочисленные и многие крупные книгохранилища. Полностью уничтожены Сталинградская и Ворошиловская областные библиотечные системы.

литературы, имеющие до войны миллионные фонды книг. Разрушены Ростовская, Харьковская, Киевская и некоторые другие областные библиотеки.

Созданный в начале 1945 года государственной литературной Феликс Дзержинского народное просвещение РСФСР специальный фонд для восстановления библиотек. К концу 1945 года был создан резервный фонд из 10 млн. экземпляров книг. За это время государственная литературная фонд, образованная в инициативе освобожденных районов РСФСР 70 областных и республиканских, 302 городских, 1636 районных и большое количество специальных, издательских, научных, вузовских и других библиотек.

План новой Сталинской пятилетки предусматривает дальнейший значительный рост библиотечной сети и в 1950 году в Советском Союзе будет 284 900 библиотек. К концу пятилетия не должно быть ни одной областной библиотеки с фондом менее 100 тыс. книг. Фонд важной государственной библиотеки будет составлять не менее 15 тыс., районной и

детской — не менее 10 тыс. и сельской — 3 тыс. томов.

В настоящее время одна библиотека на село обслуживает 7 сельских библиотек. К началу 1950 года сеть сельских библиотек значительно расширилась. Для обслуживания сельского населения будут использованы специальные библиотечные автомобили. Первые 30 таких автомобилей уже в ближайшее время направлено в Мисловскую, Горьковскую и Рязанскую области и Старовишский край.

В новой пятилетке намечено строительство зданий для 9 областных библиотек, 11 городских и 120 районных библиотек. Кроме того 299 районных библиотек получат новые помещения.

Кадры библиотечных работников сейчас готовятся в двух высших учебных заведениях библиотечного института в Москве и Ленинграде и 20 библиотечных техникумах, расположенных в различных местах Советского Союза. К концу пятилетия число библиотечных техникумов возрастет до 35.

МЫСЛИ И АФОРИЗМЫ

«Повышение культуры — это в первую очередь, знание художественной литературы. Она без порока обогащает человека, даёт возможность, расти человеку, больше понимать людей».

М. И. Калинин.

«... На ранние, и позже не было ни одного литературного произведения, которое так сильно повлияло бы на мой революционный воспитание, как роман Чернышевского... Моем любимым был в особенности Рамадон. Я ставил себе целью быть твёрдым, выдержанным, неустрашимым, самоотверженным, закалять в борьбе с трудностями и лишениями свою волю и характер... — одним словом, быть таким, каким представлялся мне этот безупречный герой Чернышевского».

Георгий Димитров.

«Книга, быть может, наиболее сложное и великое чудо из всех чудес, сотворённых человечеством — на пути его к счастью и могуществу будущего».

А. М. Горький.

«Две силы наиболее успешно содействуют воспитанию культурного человека: искусство и наука. Обе эти силы соединены в книге».

А. М. Горький.

«Чем больше я читал, тем больше книга родилась во мне, в мире, тем ярче, значительнее становилась для меня жизнь».

А. М. Горький.

«Наука — в книгах и в личном самостоятельном труде над проблемой».

«Кто молча учит? Без языка, а обо всём говорит, без головы, а всё знает, без ног, а везде бывает? Не дерево, а с листочками, не рубашка, а с шпалами, не человек, а рассказывает?»

«Белое поле, чёрной семя, один сеет, все разумное?»

ретенем знаний из книги и из жизни».

П. Г. Чернышевский.

«Публикационная библиотека, это — открытый стол идей, за который приглашён каждый, за которым каждый найдёт ту пищу, которую ищет; это — знаменитая книга, куда входят и толпы свои мысли и открытия, а другие берут их в рост».

А. И. Герцен.

«Книга есть жизнь нашего времени».

В. Г. Белинский.

«... Я нашёл тогда свою родину, и этой родиной стала для меня прежде всего русская литература».

В. Г. Короленко.

«Когда я вижу вокруг себя как люди, не зная куда девать своё свободное время косятся на самые жалкие занятия и развлечения, я раскрываю книгу и говорю внутренне: этого одного довольно на целую жизнь».

Ф. М. Достоевский.

«Хорошая книга как хорошее общество просвещает и обогащает человека — нравственно».

И. И. Пирогов.

«Есть книги, которые читаются, есть книги, которые изучаются терпеливыми людьми, есть книги, что хранятся в сердцах людей».

Л. Леонов.

«Идущий в дороге и скужающийся»

Народ о книге

«Будешь книги читать — будешь всё знать».

«Испекок века книга растит человека».

«С книгой жить — век не тужить».

«Книга в счастье украшает, а в несчастье утешает».

щих в одиночестве пусть пойдёт себе в ступица книгу — нет ступица на лучше её, болонский и страдальцу книга пусть берёт себе в помощь книгу — в мире нет лекарства её сильнее».

«Древняя восточная мудрость».

«Впервые прочёл хорошую книгу — словно приоб- большого, задуманного автора. Прочёл читаную — словно встретился вновь со старым другом. Кончаешь читать хорошую книгу — словно расстался с лучшим другом, и кто знает, встретится ли с ним вновь».

Китайская мудрость.

«Велика бывает польза от чтения книжного... мудрость бо обретает и воздержане от книжных словес: се бо суть реки непопьющие вселенную».

Лаврентьевская летопись 1377 года.

«Дом, в котором нет книг, подобен телу, лишённому души».

Цицерон.

«Важнейшие то, которые открывают уши для слов умных со страниц хороших книг».

Леонардо да Винчи.

«Книги просвещают душу, поднимают и укрепляют человека, пробуждают в нём духовные стремления, острот его ум и смягчают сердце».

Теккерей.

«Собрал и составил С. Мирер».

«Не красна книга письмом, а красна птица перьям, а книга ученьем».

«Книга читать — в але не лгать».

«Книга подобна воде, дорогу пробыёт веде».

СМЕНА
В номере:

Дружите с книгой!
П. Тамиллин — Книга, созданная народом.
Великий пример.

В. Бонч-Бруевич — Что мы читали.
Н. Кедровский — Библиотека С. М. Кирова.
Екатерина Рябова — Они помогли нам воевать.

Анимас Кронгауз — Наш сосед.
П. Лебедев-Полянский — Книга заставляет молодых уми.
Н. Ашукин — Великий киноклоу.

Всегда с книгой.
В Катанян — Как работал Маяковский.
Ник. Богословский — Любимые книги.

А. Сидоров — Из истории нашей книги.
Поэты о книге.
Л. Линд — Книжники.
А. Морозов — Продавцы счастья».

Мысли и афоризмы.
На первой странице обложки — фотомонтаж художника А. Житомирского.

На четвёртой странице обложки — «Завёс пятаются книги» — фотомонтаж художника А. Житомирского.

На второй странице — «Во Всесоюзной библиотеке имени В. И. Ленина Библиотекарь главного читального зала Ирина Манька выдает книги студентам» — фото Г. Борисова.

Оформление номера художника В. Урна

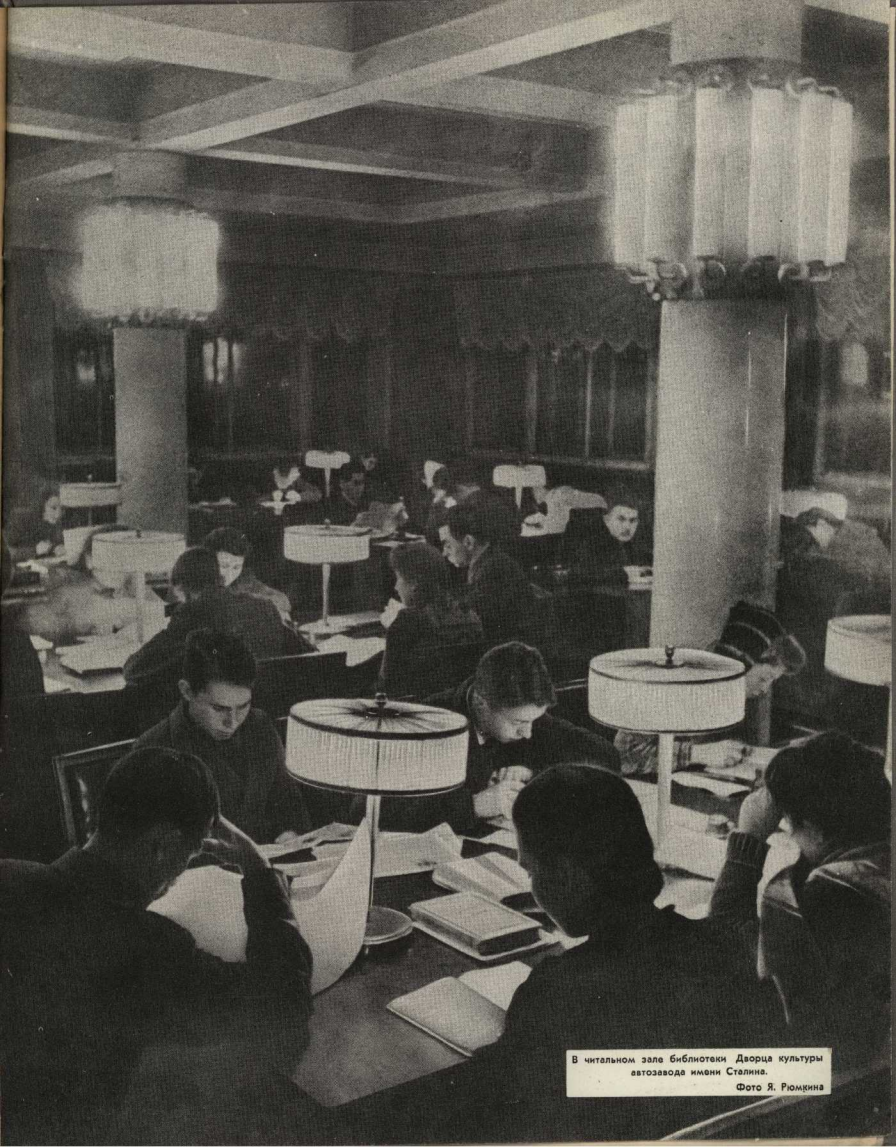

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ.
А-01569. Подписано и печатно

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24.
Тираж 93 900 виа.

Тел. Д 3-34-24.
Изд. № 729.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24

В читальном зале библиотеки Дворца культуры
автомобильного завода имени Сталина.
Фото Я. Рюмкина

Цена номера 4 руб.

